

Еще раз о критериях истины

Once Again about the Criteria of Truth

Кравченко В.В.

Канд. техн. наук

e-mail: kvladlen7@gmail.com

Kravchenko V.V.

Candidate of Technical Sciences

e-mail: kvladlen7@gmail.com

Аннотация

Краеугольным камнем теории познания любой философской системы (учения) является вопрос об истине.

На основе анализа работы В.И.Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" показано, что критерием истины или истинности форм развивающейся реальности служит не практика, как ошибочно считается по сию пору, а содержательность этих форм; практика же – это способ или процедура оценки полноты или "количества" содержательности форм реальности. К тому же практика являет собой лишь частный случай более развернутой технологии установления истины – интерпретирования.

Выдвигаемый в настоящей статье критерий истины позволяет количественно оценивать содержательность и значимость форм реальности, что, в свою очередь, дает возможность ранжировать формы и, на этом основании, более осмысленно намечать направления перспективных исследований.

В той же связи отмечается, что не бывает двух или более одинаково содержательных истин (идей, представлений, утверждений, теорий, концепций, моделей, мнений, точек зрения и пр.) относительно одного и того же исследуемого вопроса или предмета суждения, как не может быть в принципе двух или более равнозначных приближений к истине объективной (истине абсолютной). На всякий данный момент развития истина, в указанном смысле, всегда одна.

Кроме того, показано, что понятие "отражения" ("копии", "отображения") действительности, используемое диалектическим материализмом и другими философскими учениями для описания принципа функционирования мышления или сознания человека, служит ограничением или барьером на пути понимания сущности процессов развития и познания реальности; объективная реальность представляет собой движение и смену форм в направлении обладания наивысшей содержательностью (т.е. максимально достижимым содержанием), и все процессы развития и познания реальности следует изучать и рассматривать через призму содержательно-форменных переходов, превращений, трансформаций унитарной направленности.

Ключевые слова: истина, содержание, форма, развитие, отношение, познание.

Abstract

The cornerstone of the epistemology of any philosophical system (doctrine) is the question of truth.

Based on the analysis of the Lenin's work "Materialism and Empirical Criticism", it is shown that the criterion of truth or truthfulness of the forms of developing reality is not practice, that is erroneously considered to this day, but the content (pithiness) of these

forms; practice is a method or procedure for evaluating the completeness or “quantity” of the content (pithiness) of the forms of reality. Besides, practice is only a special case of a more advanced technology of establishing the truth – the interpretation.

The criterion of truth put forward in this article allows quantitative assessing the content (pithiness) and significance of the forms of reality, which, in turn, makes it possible ranking forms and, on this basis, to outline more meaningfully the directions of promising researches.

In the same connection it is noted that there are no two or more equally pithy truths (insights, statements, theories, concepts, models, opinions, points of view, etc.) regarding the same question or subject of judgment, as there cannot be in the principle two or more equal approximations to objective truth (absolute truth). At every certain moment of development the truth in the indicated sense is always alone.

In addition, it is shown that the concept of "reflection" ("copy", "display") of reality, used by dialectical materialism and other philosophical doctrines to describe the principle of functioning of human consciousness, is a limitation or barrier to understanding the essence of development processes and of reality cognition; objective reality is the movement and change of forms in the direction of possessing the utmost pithiness (that is, the maximally achievable content), and all processes of development and cognition of reality are to be investigating and considering through the prism of "content-to-form" transitions and transformations of the unitary orientation.

Key words: truth, content, form, relation (ratio), cognition, development (evolution).

§ 1. Вопросы теории познания.

В октябре 1908 года Владимир Ильич Ленин закончил в основном работу над книгой "Материализм и эмпириокритицизм". Добрая половина этого произведения посвящена критическому анализу теории познания эмпириокритицизма (субъективно-идеалистического направления в философии, модного в начале XX века) и изложению взглядов на те же вопросы теории познания с позиции диалектического материализма (для краткости: диамата) [11].

Начиная с античности и по настоящее время, "центральной категорией" теории познания и "важнейшим, незаменимым понятием науки" считается категория истины [4, с.6].

Древний спор философов относительно познаваемости мира и истинности добываемого, извлекаемого, приобретаемого знания, казалось бы, там же в этой ленинской работе, в общих чертах был решен в пользу точки зрения марксистов, к числу которых принадлежал и сам автор [19, с.352-353]. И, тем не менее, снова и снова приходят поколения исследователей окружающего мира, которые не устают "наступать на те же грабли" и продолжают набивать собственные шишки ценой собственных же заблуждений.

Таким образом, давний философский спор не утихает и по сию пору, и, вероятнее всего, более полное решение той же проблемы, как и всегда, невозможно вне свежего взгляда на устоявшееся положение вещей и без опоры на требующее периодического уточнения мировоззрение.

Первый, актуальный во все времена вопрос, рассмотренный В.И.Лениным в его книге от лица диалектического материализма и в связи с упомянутым анализом теории познания – это вопрос о принципиальной познаваемости окружающего мира в ходе приобретения о нем знаний.

Второй вопрос, вытекающий из первого – вопрос о критериях истинности, достоверности, подлинности форм добываемого знания.

Первый вопрос решается в работе В.И.Ленина положительно признанием действительным ряда (цепочки) объективных "содержаний" или, так называемых, относительных истин, представляемых разными познавательными формами, а также, указанием на движение и смену этих форм или относительных истин в ходе познания в направлении достижения истины абсолютной.

Позитивное решение второго вопроса связывается с разумной (рациональной) достаточностью критерия практики (в качестве критерия истины), который "настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма" [11, с.138].

§ 2. Как диалект отвечает на вопросы теории познания.

Остановимся подробнее на том, **как** диалектический материализм отвечает на вопросы о возможности познания (т.е. познаваемости) окружающего мира и об оценке истинности приобретаемого знания.

С позиции диалекта – есть, существует внешний мир или объект, заключающий в себе некоторое **объективное содержание**, с одной стороны, и познающий (ощущающий и осознающий) этот мир субъект, с другой стороны. То, что разнообразные формы окружающего мира (предметы, тела, вещи, процессы, явления и пр.) являются носителями некоего объективного содержания, независимо и независимо от познающего субъекта, – не вызывает, с точки зрения диалекта, никакого сомнения, поскольку об этом свидетельствуют результаты тысячелетней практической деятельности человека. Остается вопрос – насколько верно представления познающего субъекта об этих формах окружающего мира соответствуют независимому от субъекта содержанию этих форм. По словам В.И.Ленина: "Предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя – только часть или одна сторона первой, как сам человек – лишь одна частичка отражаемой в его представлениях природы". Но если для Канта "вещь в себе" есть "абстракция без реальности", то для Фейербаха "вещь в себе" есть "абстракция с реальностью", т.е. существующий вне нас мир, вполне познаваемый, ничем принципиально не отличающийся от "явления" [11, с.115].

Далее, отыскивается и подтверждается наличие объективного содержания в чувствах, ощущениях и восприятиях (т.е. в "опыте", – по распространенной в то время терминологии [11, с.123, 327]) познающего субъекта.

И, наконец, устанавливается "объективное содержание...понятий, идей, суждений, теорий, учений и целостной картины мира в диалектике ее развития" [19, с.226], т.е. доказывается присутствие объективного же содержания в абстрактных формах (продукции) человеческого мышления. То, что объективное содержание должно присутствовать и присутствует в абстрактных формах и продуктах мышления познающего субъекта, с позиции диалекта, опять-таки, несомненно. Вопрос сводится лишь к тому, каким образом это можно подтвердить. Иными словами, для того, чтобы установить истинность добытого или приобретенного знания (суждений, утверждений, теорий, концепций, формулировок законов и закономерностей, учений, парадигм, моделей и т.д.) необходимо, опять-таки, понять – является ли данное знание (точнее, его субъективно-идеальные формы) носителем, то же самое, *объективного содержания*.

§ 3. Обзор существующих критериев истинности знания.

Линейка сегодняшних представлений о критериях оценки подлинности или достоверности знания занимает диапазон от вульгарно-предметного объективизма до крайне-идеалистического субъективизма. Перечислим вкратце наиболее известные и яркие из этих представлений [7].

Объективизм рассматривает явления действительности как исторически необходимые безотносительно к субъекту деятельности и познания, и потому истина здесь почти отождествляется с объективностью [13, с. 418]. Иными словами, речь идет уже как бы даже не о знании (теоретико-абстрактной форме), истинность или достоверность которого необходимо установить, а о представлениях, тождественных или "совпадающих" с самим предметом.

Основоположники упомянутого уже эмпириокритицизма считали, что правильность или истинность мышления обуславливается принципами "экономии мышления" (по Э.Маху) и "наименьшей траты сил" (по Р.Авенариусу) [11, с.165-167]; эти же принципы они положили и в основу своей теории познания.

Декарт в качестве критерия истины предполагал ясность и очевидность: если что-либо понимается ясно и очевидно, то оно истинно.

Разными мыслителями предлагались в качестве критериев истины, например, внутренняя согласованность мыслей, их ценность и т. д.

Прагматизм выдвигает следующий критерий: истинно то, что полезно или выгодно людям.

Потоками информации современных СМИ беспрецедентно муссируется и навязывается человеку справедливость следующей точки зрения по части оценки или выбора критерия истины: кто сильнее (кто выигрывает) – тот и прав. Иными словами, если удастся силой, навалом, "нахрапом", беспримерной наглостью, хитростью и подтасовками продавить и внедрить в сознание некоторого множества людей (обывателей) любое сомнительное суждение, утверждение, выводы или заключение (а, в предельном случае, и целую систему миропонимания), то результат такого действия и отождествляется с правдой или истиной; во многих случаях именно такой путь избирается сегодня разными субъектами для утверждения правоты своей позиции или точки зрения.

Ряд известных философов критерий истины видит в "общезначимости". С точки зрения этого критерия истина есть то, что "общезначимо", т.е. с чем согласны все люди или подавляющее их большинство, или просто большинство.

Разновидностью данной точки зрения является еще одна, которой придерживался французский математик А.Пуанкаре. Согласно выдвинутой им концепции (это, так называемый, "конвенционализм") научные понятия и теории не отражают объективной действительности, а являются результатом соглашения ученых или произвольно установленными правилами. Квинтэссенция его взглядов выражается следующей фразой: "Единственная настоящая объективная реальность есть внутренняя гармония мира" [11, с.161].

Сродни взглядам А.Пуанкаре, существует и такая точка зрения: критерий истины есть красота (как проявление внутренней и внешней гармонии мира).

Надо сказать, что вариант назначения критерием истины "общезначимого" (общепринятого, общеобязательного и т.п.) детально разобран В.И.Лениным в этой же его книге, где показывается, что во многих случаях "общезначимое" является синонимом или эквивалентом коллективных человеческих заблуждений, если это "общезначимое" лишено *объективного содержания*, данного человеку в опыте, т.е. приобретенного или установленного эмпирическим путем в ходе

познания окружающего мира (или, что то же самое, в ходе предметно-практической деятельности человека).

§ 4. Субъективизм большинства критериев истины.

Нетрудно видеть, что большинство из вышеперечисленных критериев в той или иной мере проникнуты духом субъективизма. При всей важности содержащихся в них признаков или показателей истинности знания отсутствует главный, который подчеркивал бы или указывал на объективность знания, т.е. увязывал бы его с объективностью содержания форм внешнего мира. Безусловно, ни одна сколь-нибудь цельная или сбалансированная философская система (учение) не станет рассматривать истинность знания вне связи с объективной реальностью – и, в первую очередь, с тем предметным миром, в котором такая система обретается ("хочет" она того или нет).

Отсюда произрастает потребность в комплексном критерии, который устанавливал бы и учитывал наличие и того самого предметного объективного содержания во всех абстрактных и субъективных формах знания. На сегодняшний день такой более или менее уравновешенной системой взглядов признана диалектико-материалистическая философия, которая не отрицает значения ясности мыслей, их согласованности, их общезначимости, их рациональности, экономности, очевидности, полезности, прагматичности, гармоничности и т.д., и т.п., но вместе с тем, полностью отдает себе отчет и в том, что вышеперечисленные показатели (признаки), из-за отсутствия достаточно основательной и устойчивой естественной их связи с внешним миром, не могут быть признаны фундаментальными критериями истины. Исходя из такого понимания, наиболее подходящим искомым критерием истины диалектический материализм видит практику или предметно-практическую деятельность человека как субъекта познания.

Таким образом, под сводами добротного выстроенного здания диалектико-материалистической философии в качестве сердцевины ее обнаруживается действительно, вроде бы, весьма стройная система взглядов на фундаментальные вопросы теории познания.

§ 5. Особенности толкования диалектикой природы субъективно-идеальных форм познания (форм представления знания).

И вот тут хотелось бы обратить внимание на одну особенность только что упомянутой системы взглядов. Если субъективно-идеалистическая философия превращает ощущения познающего внешний мир субъекта в некую "перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира", то вопреки этим представлениям диалектика считает, что "...ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в **факт сознания**" [11, с.49].

Как видим, согласно взглядам диалектики в пику критикуемым им взглядам идеалистических (к слову сказать, как субъективно-, так и объективно-идеалистических) учений, никакого барьера, отделяющего объективный (в том числе, и привычный для нас предметный трехмерный) мир, во-первых, от чувственного мира (ощущений, опыта), и, во-вторых, от идеального мира познающего субъекта – похоже, не существует. Смотрим далее: "Эти **факты сознания** не есть лишь некоторые условные знаки, символы, иероглифы, но представляют собой **копии, изображения** действительных вещей и процессов, происходящих в природе, а само познание есть диалектический процесс

отражения сознанием объективного мира" [19, с.352]. Иными словами, видим, что уровень ощущений здесь еще признается "непосредственной связью сознания с внешним миром". Но что же с самим сознанием?, – а вот оно-то обратилось в "факт", и факты сознания представляют собой уже некие "копии", "изображения", "отражения" действительных вещей и природных процессов.

Согласно этим представлениям объективное содержание мышления существует на деле лишь в виде копии, в виде какого-то отражения действительности. Поначалу, вроде бы избавились от одной "перегородки" между формами предметности и формами мышления, но ровно настолько, чтобы затем прийти к другой "перегородке" – познание превращается в диалектический процесс **отражения** сознанием объективного мира. Тем самым дается произвольный старт процессу "умножения сущностей", с чем не может согласиться даже насквозь религиозное сознание: волей-неволей приходит на ум известное под наименованием "бритва Оккама" изречение английского монаха: "Сущности не следует умножать без необходимости". Отрицая на словах идеалистические учения с их религиозной сердцевинкой, на деле уходим в религию, ибо всякая религия – это и есть земное воплощение (отражение, копирование "по образу и подобию") некоей неземной сущности.

Марксизм, диамат, да и вообще любого достоинства материализм стоят на позициях жесткого противопоставления и отделения "перегородкой" или "стеной" всего предметного и эмпирического (материального) от всякого идеального, являющего собой некую эфемерную "копию" или "отражение" всего материального (читай: реального). При этом, в какой разряд следует определить это самое "отражение", никто до сих пор толком не знает: по "сю сторону" оно никак не приживается (ибо оно же не материально), тогда как "потусторонность" высмеивается и отвергается материалистическими учениями самым решительным и беспощадным образом.

Наличие подобной нестыковки (согласно приведенной выше терминологии – "перегородки" или "стены") нарушает, на наш взгляд, стройную систему представлений о трансформации или передаче *объективного содержания* от формы к форме в процессе познания и не оставляет шансов на верное истолкование и корректное прогнозирование направления дальнейших преобразований форм познания.

Между тем, по мере накопления знаний и совершенствования представлений об окружающем нас мире всё явственнее и отчетливее осознается то обстоятельство, что наше окружение, равно как и мы сами – это изменяющаяся, движущаяся, развивающаяся многоуровневая реальность, "делающаяся" и "воспроизводящаяся" в режиме реального времени, и во всякий момент проявляющаяся в единственном, неповторимом, уникальном экземпляре. В таком аспекте хорошо знакомые нам изречения о некоем "копировании", "фотографировании", "отображении" и, в общем случае, "отражении" объективно существующей реальности [11, с.125] – как-то не очень-то уже и "уживаются" с действительным раскладом вещей.

§ 6. Описание процесса "восхождения" содержания преемственными формами (альтернативная существующим точка зрения или взгляд на процесс познания с позиции наших представлений).

Но, может быть, не следует столь прямолинейно и "в лоб" подходить к толкованию процесса познания, а также, к восприятию и интерпретации движения, развития, эволюции природы, человека, общества?

Почему бы не рассмотреть этот же процесс с несколько иной позиции или в несколько ином свете, а именно: некая глубинная суть или *объективное содержание* развивающейся реальности "восходит" и проявляется отдельными преемственными и сопрягающимися одна с другой конкретными формами, – **условно-изначальной** формой предметности (предметным миром), далее, формой ощущений (растительным и животным миром, включая человека) и, наконец, формой мышления (субъективным абстрактным человеческим мышлением).

Будучи *объективным содержанием*, изначально представленным предметной формой (о какой-либо изначальности представления здесь можно говорить весьма **условно**, поскольку о формах, предшествующих предметным, включающим и разного рода физические поля, мы здесь вообще пока ничего определенного сказать не можем), упомянутое содержание в процессе своего движения-развития меняет форму на более гибкую и емкую, каковой оказывается, с точки зрения человеческого сознания, форма ощущений, которая затем, в свою очередь, сменяется формой еще более емкой и объемлющей, а потому и более абстрагированной, именуемой нами формой мышления. По этой причине каждая из указанных форм, как всего лишь *разных оболочек* того же единого, но трансформирующегося при переходе с уровня на уровень *объективного содержания*, должна легко сопрягаться с формами предшествующими и последующими, что и свидетельствовало бы о преемственности (а, в конечном счете, и об истинности) всех этих форм.

Независимое от субъекта *объективное содержание* (по аналогии с вышеупомянутой "вещью в себе"), присутствующее в любом и каждом предмете окружающего мира, "восходит" (подобно "восхождению" некой глубинной сути окружающего мира) сначала в меру субъективными и абстрактными содержательными формами растительного и животного мира (в том числе, и формой человеческого опыта, к которому относится чувственное или ощущения) и, затем, – все более абстрактными формами человеческого мышления. Иными словами, процесс "начинает" развиваться с момента условного старта самых "грубых", механистически-материалистических предметных форм, далее, продолжается формами, наделенными чувственностью (к коей относятся ощущения и реакции "живого" – растительного и животного мира), затем, "перехватывается" формами-носителями образов сознания и представлений, уже в совокупности с формами-носителями ощущений и формами-носителями предметности (высшими животными и "ранним" человеком), и, далее, продолжается формами-носителями все более абстрактного интеллектуально-духовного содержания (каковыми являются "поздний", т.е. современный человек и социум), опять-таки, в совокупности со всеми предшествующими формами.

Благодаря способности к сопряжению отдельных форм единого "восходящего" *объективного содержания*, следующих одна за одной как продолжения форм предшествующих, возникает обобщенная (совокупная) многоуровневая форма (человека с его мышлением), состоящая, подобно пирамиде, из взаимосвязанных и невообразимо переплетенных между собой слоев-уровней-форм, вершинная часть которой (пирамиды) венчается формой-носителем чрезвычайно абстрактного (наиболее абстрагированного из достоверно нам известных) содержания (теоретического знания).

Имея перед глазами только что нарисованный образ пирамиды, остается удостовериться лишь в том, что содержания взаимосвязанных слоев-форм-уровней этой пирамиды действительно преемственны, а, следовательно, и объективны, т.е. представляют собой отдельные звенья развивающегося сквозным образом (посредством вышеуказанных форм) единого *объективного содержания* реальности. Последнее же доказывается с помощью весьма

известной процедуры, издавна именуемой практикой (о чем много и подробно мы будем говорить ниже).

Таким образом, раскрывающаяся "потаенная суть" реальности или *объективное ее содержание* "шествует" сквозным образом в процессе своего восхождения-развития посредством разных, вырастающих друг из друга и, потому, взаимоувязанных форм.

Отчетливой видимости и уверенной констатации этого обстоятельства препятствует теснейшее переплетение переходящих друг в друга форм движения объективного содержания. Вместе с тем можно заметить, что, будучи представленными разными формами, фрагменты этого общего объективного содержания отличаются друг от друга какими-то своими особенностями, которые приносятся в них по мере их развития из исходной *объективной*, но все-таки в какой-то мере неопределенности.

Итак, сообразно нашим представлениям отдельные предметы (тела, вещи, объекты), – это формы существования и "обретания" *объективного содержания* реальности на уровне "неживого", проявленного посредством форм-уровней "живого", т.е. "ощущений" и "мышления".

Далее, растения и животные – это формы движения того же *объективного содержания* на уровне и через уровни "живого неодушевленного", произрастающие из форм (и являющиеся продолжением форм) "неживого", и, так же как и предыдущие предметные формы, выраженные и проявленные посредством форм-уровней "ощущений" и "мышления".

Наконец, человек с его мышлением (человечество и социум), – это еще более специфическая форма движения, опять-таки, того же *объективного содержания* на уровне и через уровни субъективного мышления (сознания), еще более тесно связанная прямой и обратной связью с формами "живого" и "неживого", и являющаяся непосредственным продолжением последних. Эта форма также выражается и проявляется посредством форм-уровней "ощущений" и "мышления".

И, поскольку весь только что перечисленный набор форм – это **продолжение** формы предметной, то нет при этом никакой необходимости вводить некие промежуточные прокладки в виде понятий и терминов "отражение" или "копия" только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть своеобразный характер таких форм. Иными словами, цепочка вышеперечисленных форм – это то же самое выражение, проявление, движение, "шествие", развитие *объективного содержания*, только в самых, что ни на есть *специфических*, именуемых субъективными, формах, являющихся **продолжениями** предшествующих предметных форм. Корень ошибочности представлений о такой, в частности, форме как форма мышления (как о некоем эфемерном образовании – "идеальном отражении" действительности), и проблема истолкования такой формы таятся в *искусственном* вычленении высшего ("мысленческого") слоя *из общей единой связки или совокупности всех имеющихся в "человеческой" структуре уровней-форм*, и последующей абсолютизации и противопоставлении ее (этой наиболее *специфической* формы) всем предшествующим формам.

Конечно и несомненно то, что объективное содержание, которое проявляется и может проявиться только через субъективные формы, никогда не избавится от оттенка некоторой субъективности, но в то же время оно остается объективным по своей природе, по своему происхождению, по своим корням, которые лежат в основании всей цепочки форм, обеспечивающей трансформацию этой объективности в некую специфическую субъективность по мере движения-развития реальности.

Объективное содержание, одновременно, и восходит через субъекта, и движется в этой его форме в направлении достижения своего "окончательного" выражения в этой же или другой более совершенной форме, как самой совершенной из всех форм. Разница форм представления объективного содержания в ходе его движения-развития обуславливается и характеризуется различными значениями или величинами интенсивности содержательно-форменных трансформаций на разных уровнях представления и обретания этих форм. Изменение интенсивности содержательно-форменных трансформаций при переходе с уровня на уровень в конечном итоге оказывается главным фактором, определяющим развитие форм реальности. [В силу известных ограничений на объем публикации этот аспект в данной статье практически не рассматривается и не раскрывается].

Каждым фрагментом, эпизодом, актом своего существования предметы (если речь идет о "неживом"), каждым своим вдохом и шагом животное, каждым поступком или фразой человек – извлекают потаенную **суть** своей природы изнутри наружу и делают ее **явлением** (делают ее **видимой**), которое (явление) на деле оказывается всякий раз лишь каким-то *очередным приближением* к полному и всецелому выражению этой самой сути.

Субъект с его сознанием не "отражает" реальность, т.е. не дублирует и не множит сущности, а **продолжает собой** поиск более содержательной формы (корректируя и дополняя содержания предшествующих форм-уровней в их совокупности) развивающейся таким способом реальности. И эта новая искомая уточненная форма реализуется как надстройка над предшествующей совокупностью форм, вбирая, включая в себя в главных чертах, в концентрированном ("снятом") виде *содержания* предшествующих форм.

От предметных – к субъективно-идеальным формам (являющимся, одновременно, составными частями общей совокупности форм, входящими в "зацепление" или сопрягающимися с теми же предметными формами), – вот, соответственно нашим представлениям, направление развития реальности на сегодняшнем этапе в кластере известных нам форм.

Покажем и разберем процесс "восхождения" и трансформации *объективного содержания* на примере конкретного предмета – некоего шарообразного камня-валуна, определенность формы, габаритов и внутренней структуры которого вынуждает "считаться" с этими его особенностями,

– во-первых, окружающие его неживые предметы, наталкивающиеся на него под воздействием разнообразных внешних сил как на объективно присутствующее препятствие и взаимодействующие с ним как с препятствием;

– во-вторых, перемещающиеся живые тела, взаимодействующие с ним и "учитывающие" его уже не только как препятствие, но воспроизводящие или генерирующие в этой связи некоторые простейшие абстрактные его образы;

– в-третьих, живые одушевленные организмы, которые наряду с результатами предметных с ним взаимодействий и чувственных о нем представлений, проявляют его суть и в виде развитых абстрактных образов и представлений, простирающихся от абстрактного формульного описания его шарообразной поверхности до описаний физических, химических и квантово-механических свойств его материала в облики еще более абстрагированных символично-формульных выражений, математических уравнений и теоретических выкладок.

На примере сферического валуна (встречаются в природе и такие экземпляры), окатанного со всех сторон ледником и подвергавшегося долговременному воздействию шквальных ветров, бурных вод, бушевавших пожаров, а также подобных же каменных глыб (в силу столкновений с

последними), можно проследить "восхождение" содержательной сути отдельного предмета посредством меняющихся по мере такого "восхождения" форм.

Конечных, ограниченных размеров предмет – фиксируемый и запечатлеваемый ("воспринимаемый") соседними предметами как препятствие, переходит со временем в стадию чувственного восприятия и простейшего образного описания его живыми организмами как обтекаемый, твердый, сплошной, массивный... и, далее, переходит к этапу восприятия его человеческим мышлением и описания абстрактными средствами в виде усложненных образов, символов и формул: как шаровидного предмета радиусом R с поверхностью, приблизительно вычисляемой по формуле $4\pi R^2$; как предмета с объемом, приблизительно вычисляемым по формуле $4/3\pi R^3$; как предмета с предельной прочностью материала на разрыв (или сжатие), вычисляемой как отношение предельно допустимой нагрузки на предмет к площади его поперечного сечения; как предмета с твердостью, определяемой в условных единицах, скажем, по Бринеллю; как предмета с износостойкостью и прочими свойствами и характеристиками, определяемыми формулами и математическими зависимостями, известными из курсов математики, физики, химии, сопромата,... квантовой механики и т.д., и т.п. И все это комплексное описание может быть квалифицировано, как **проявленная** содержательная суть одного и того же нечто, представленная формами разной степени абстрактности и субъективности, – по мере восхождения этой сути последовательно через формы-носители предметности, формы-носители ощущений и, наконец, через формы-носители мышления.

Выразить прочность и твердость материала валуна через найденные эмпирическим путем и установленные при этом формы эталонов, такие, как пределы прочности его материала (скажем, на разрыв и срез), и через эмпирически установленные условные единицы твердости (скажем, по Роквеллу, Бринеллю или Виккерсу), – это, значит, найти выражение новых абстрактных знаний о камне (т.е. найти выражение его *объективного содержания*, развивающегося новыми и все более абстрактными формами) через сложившиеся или сформированные "в опыте" содержания конкретных предметных и чувственных форм-эталонов. То же самое касается и знаний о прочих свойствах камня, таких, скажем, как износостойкость, трещиностойкость и т.д., и т.п.

Теперь вернемся к вышеприведенным словам В.И.Ленина о познании мира как о процессе последовательного превращения (трансформации) "вещи в себе" в "вещь для нас" и посмотрим, – что получится, если преобразовать эти ленинские слова в свете только что изложенных представлений о "восхождении" объективного содержания реальности (глубинной ее сути) посредством форм, трансформирующихся из объективных предметных в субъективные абстрактные. Тогда исходная ленинская цитата с нашим дополнением будет иметь примерно следующий вид: "Предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя – только часть или одна сторона первой, как сам человек –..." – лишь продолжение содержательного развития "вещи в себе" в "вещь для нас" посредством являемой им совокупности последовательно вырастающих одна из другой специфических форм, таких как форма ощущений и форма мышления, трансформировавшихся по ходу упомянутого содержательного развития из формы предметности.

По мере описываемого "восхождения" содержательного компонента развивающейся реальности поначалу через "неживые" предметные формы, затем через "живые" формы ощущений и, далее, через интеллектуальные и духовные формы человеческого мышления, все упомянутые формы появляются как продукты "демонстрации" нарастающей и накапливающейся при этом

содержательности, которые (продукты) и проявляются, затем, в виде сменяющих друг друга *технологий* и *идеологий*. Реальность при этом, как это можно видеть на наших примерах, – та же общая, непрерывная, единая изменяющаяся **субстанция**, но проявляет она себя на разных этапах своего движения-развития по-разному, т.е. в разных формах: от форм конкретных и объективных (от нашего сознания независимых по оценке нашего же сознания) – до форм все более абстрактных и субъективных...

Тут очень важно понимать, что нет готовой (раз и навсегда) *сущности мира*, которая где-то там "прячется" от человека и которую человеку остается всего лишь познавать мелкими порциями и шажками, как нет и готового (всецело себя исчерпывающего и независимо ни от чего существующего) объективного мира: сущность мира "восходит" прорастающими одна из другой содержательными формами, благодаря чему объективный мир ежемоментно "делается", воссоздается и воспроизводится из себя же наращиванием послойных изменений на имеющуюся и, одновременно, таким путем изменяющуюся основу.

Соседний внешний предмет не просто "отражается" во мне (в моем сознании), а **существует** через меня своим содержанием, которое изменяется вместе со мной и моим сознанием (как **продолжение** отношения компонентов {я/предмет} или, более емкого отношения {субъект/объект}) *по мере углубления знания об этом предмете*. Суть происходящего или происходящих в объективном мире изменений "восходит" через меня и посредством меня, в непосредственной связи или в *отношении* со мной (так же, как и в отношении с другим индивидом, и в отношении с животным, и в отношении с неживым предметом). Без меня это будет уже несколько иная форма проявления сути, а с другим "**Я**" – это будет третья форма проявления сути и т.д. И только обобщенная форма, как *совокупность* вышеперечисленных форм, экспонирует, воспроизводит некое обобщенное собирательное содержание, которое только и может именоваться *содержанием объективным*. Иными словами, об отдельной и ни от кого или ни от чего независимой *абсолютной* сути здесь вообще говорить не приходится – таковой в природе не имеется. Суть "извлекается наружу", т.е. *проявляется* лишь в процессе взаимодействия чего-то одного с чем-то другим.

Согласно подобным представлениям о развитии, сменяемость форм (от конкретных форм предметности до абстрактных форм мышления) соответствует привычному естественному (с позиции человеческого сознания) ходу событий. Теперь в свете и на основании этих представлений можно прийти к более точному пониманию и выводу о действительном отношении компонентов субъективного и объективного в процессе описываемого движения форм (от предметных – до мышления).

Человек – многоуровневое образование, состоящее из иерархической последовательности (трансформировавшейся с течением времени в нераздельную совокупность) сопрягающихся и характерных своей преемственностью форм-уровней (именно это, прежде всего, должно бросаться в глаза, но мало кем принимается во внимание). Совокупность или связка уровней, начиная от атомарного и молекулярного (образующих предметный уровень), далее – к клеточному, органно-тканевому и организменному (образующим животный уровень или уровень "живого неодушевленного"), и далее – к биосферному, субъектному и социальному (образующим уровень "живого одушевленного и социально-организованного"), – представляет собой образец "сплоченной" организации трансформирующихся друг в друга, и, потому, содержательно преемственных форм-уровней (включающих в себя и еще более многочисленные *подформы-подуровни*).

На основе приводимых рассуждений можно прийти к следующему немаловажному, на наш взгляд, выводу: сознание человека – не некое пассивное "отражение" действительности, а это и есть сама действительность, сама реальность или, точнее, очередная форма проявления последней на очередном этапе ее (реальности) "восхождения", развития. На этом этапе своего движения-развития реальность предстает перед нами, как и перед самой собой, в специфической форме человека и его мышления. В этом случае сознание следует принимать не как мертвое пассивное отражение или копию всего предшествующего и существующего "неживого" и "живого", а как очередную форму проявления содержания восходящей, развивающейся реальности, **продолжающую и объединяющую** собой весь ряд предшествующих форм этой же реальности.

При таком подходе не прерывается живая цепь развития (и его логика), прирастающая все более емкими, содержательными и, потому, все более абстрагированными звеньями-формами. Подобный исследовательский подход избавляется от искусственного ограничения сверху на всякое развитие, и, в том числе, ликвидирует известный барьер, выстроенный диалектом. Черда изменяющихся форм реальности не блокируется и не заканчивается формой человека и его мышления, а уходит все более вглубь, во все более *абстрагирующуюся реальность...* Тем самым, процесс познания также не ограничивается постижением формы мышления, как наиболее "вершинной" формы из достоверно известных нам пока форм реальности, а предполагает наличие и появление еще более развитых ее форм с большей интенсивностью содержательно-форменных превращений (трансформаций). Но, что существеннее, такой подход позволяет прогнозировать дальнейший ход развития (и, соответственно, познания) и предвосхищать с возрастающей степенью точности появление новых форм изменяющейся реальности.

§ 7. Модель реальности с позиции наших представлений.

Принцип саморазвития.

Но что же представляет собой, хотя бы в первом и самом грубом приближении, эта служащая предметом нашего обсуждения развивающаяся реальность? Попробуем определиться с более или менее цельной ее *моделью*, отвечающей нашим взглядам.

Вообразим себе некоторое "путешествующее" двухкомпонентное, но единое цельное образование или конструкцию вида {**содержание/форма**}, – весьма абстрактную (в наиболее общей ее конфигурации), но в ходе своего "путешествия" всегда предстающую в конкретной форме, меняющейся в направлении или в сторону все большего и большего преобладания в составе данной конструкции компонента "содержания" и приобретения, тем самым, "числителем" данного отношения все большего удельного веса в масштабах цельного отношения [2, 8, 23].

Определенным образом направленная изменчивость этого абстрактного отношения {содержание/форма} обусловлена одновременными единством и нетождественностью (неодинаковостью) его компонентов, в силу чего оба компонента находятся в состоянии взаимодействия и неистощимого движения на сближение друг с другом и обретение равновесия (баланса) или взаимной выраженности друг другом (что означает: стать предельно содержательной – для формы, и определиться со своей совершенной формой – для содержания). Присутствие в одном цельном отношении двух компонентов с разными типами активности порождает вихрь, смерч, круговорот, "самонаворачивающуюся"

спираль, т.е. специфического характера изменение (движение, развитие) как обеих составляющих этого отношения, так и самого отношения в целом.

"Эмпирический опыт" и абстрактное мышление позволяют выявить глубинную суть этого движения, облачив ее в формулировку некоего универсального **принципа саморазвития** [2, с.10; 8, с.53-54; 23, с.4]: **развитие содержания осуществляется в направлении исчерпывающего выражения развивающимся содержанием самого же развивающегося содержания.** Применительно к окружающему миру это означает примерно следующее: *все, что существует и развивается, имеет направлением своего развития и существования выражение собой существующим и развивающимся себя же существующего и развивающегося.*

Абстрактное отношение {содержание/форма} со вполне однозначной направленностью изменения-движения-развития компонентов или составляющих этого отношения, равно, как и всего отношения в целом – это то, что существует изначально, повсеместно, объективно и независимо от какой бы то ни было конкретности; это то, что, в силу своей вездесущности, пронизывает собой все имеющиеся и возникающие конкретные формы-уровни-отношения. Именно содержательно-форменные трансформации вышеописанной направленности (т.е. изменения компонентов отношения в строго определенную сторону, в строго определенном направлении) лежат в основе развития форм реальности, являющихся, в свою очередь, всего лишь конкретным облачением и воплощением представленной выше абстрактной модели. И именно эта исходная модель в силу своей основательности наиболее, на наш взгляд, приемлема и эффективна для углубленного изучения, исследования и проникновения в суть окружающего мира (изменяющейся реальности) на сегодняшнем этапе его развития.

Отмечаемое *двуединство* с весьма строгой и определенной направленностью содержательно-форменных превращений (трансформаций) объясняет ежесекундную уникальность обретающегося мира (Вселенной, природы, жизни и т.д.), а также уникальность и многообразие существующих и нарождающихся форм, как отдельных элементов этого мира.

Будучи сугубо абстрактным образованием, указанное отношение {содержание/форма} принципиально не проявимо в наиболее общем его виде или образе, но, вместе с тем, составляет сердцевину или саму суть любой и всякой реальной конкретной формы.

Исторический путь абстрактной конструкции {содержание/форма}, уподобляемый "путешествию" ее в конкретных образах, пролегает через великое множество всевозможных конкретных форм (в том числе, и через такие родственные ей, но все же более конкретные формы-отношения как {субъект/объект}, {субъективное/объективное}, {абстрактное/конкретное} и пр.). Не задача настоящей статьи проследить содержательно-форменные преобразования этого отношения по мере его исторического движения-развития, – и посему отметим лишь то, что исходный, как, вероятно, и конечный пункты его "путешествия" теряются в туманных дымах прошлого и будущего, параллельно сосуществуя в единой связке или совокупности конкретных форм, вырастающих одна из другой и преобразующихся по ходу рассматриваемого "путешествия".

Под "управлением" упомянутого *принципа саморазвития*, внутренне присущего всем образованиям-формам и обуславливающего существование (на его базе) всех форм без исключения, из формы предметности, принятой нами за условное начало развития всех прочих форм окружающего нас мира, развилась очередная новая форма ощущений, объединенная с первой формой в одно целое.

Эта вторая форма отличается от первой большей интенсивностью содержательно-форменных трансформаций, т.е. обеспечивает обратную связь или возвращение к себе и "познание" (воспроизведение, самоорганизацию) самое себя с большей "скоростью", чем форма предметная. Вторая форма под давлением и управлением того же принципа развилась со временем в еще более емкую и, соответственно, более абстрактную форму мышления, объединяющую в себе уже, как бы, три взаимосвязанные формы – предметную, ощущений и мышления; и эта третья форма характерна еще большей интенсивностью содержательно-форменных превращений по сравнению с двумя предшествующими формами. Тем самым, все три указанные формы "работают", как бы, в одной связке, в единой совокупности, обеспечивая все более интенсивное "раскручивание" процессов развития и познания окружающего мира под "управлением" общего для всех форм универсального *принципа саморазвития*.

Человек, выступающий в первую очередь, как "носитель" формы мышления, на самом деле представляет собой тугой *узел* из всех трех форм, характерный гармоничным единством этих отдельных форм в сложившейся их совокупности, венчающей наиболее абстрагированной, мощной и емкой формой мышления. Человек – это "пирамида" из вышеперечисленных взаимоувязанных форм развивающейся реальности в "укомплектованной" таким образом очередной "продвинутой" форме той же развивающейся реальности.

Под "диктатом" принципа саморазвития содержание любой формы движется за пределы своей формы в направлении обладания формой еще большей содержательности, т.е. формой большей емкости и вместимости для "уложения" этого саморазвивающегося, "самоделающегося" содержания. Тем самым непрерывно осуществляется процесс "наворачивания" содержания на себя же существующего, – с образованием иерархической цепочки форм, все более содержательно-емких и, потому, все более абстрагированных.

Сама формулировка *принципа саморазвития* указывает на то, что процесс познания осуществляется выражением или заменой непонятого на понятое, неизвестного на известное и хорошо знакомое, т.е. кругами самовыражения; и такой способ движения (познания) наиболее точно подходит под толкование термина "интерпретирование" (о чем мы будем говорить ниже). Все построения новых форм, включая и образование форм познавательных, идут выражением форм через самих себя. В сущности, процесс познания, будучи поначалу отдельной веточкой, выделяющейся на общем стволе развития, смыкается в дальнейшем с последним, оказываясь попросту его продолжением ему же тождественным.

Поскольку в природе нет иного строительного материала, чем сама же природа или окружающий нас мир, постольку все строится и надстраивается из себя же, "самоделанием" – все "танцуется от печки", от основы, путем непрекращающегося самовыражения, т.е. выражением изменяющегося через существующее и имеющееся.

Всюду, повсеместно и ежемоментно функционирует и реализуется единый *принцип саморазвития*, который и обуславливает движение всех форм. Побудительные причины, "механизмы", силы и мотивы любого изменения, движения, развития следует рассматривать как проявления разной интенсивности содержательно-форменных трансформаций компонентов в отношении {содержание/форма} под управлением универсального *принципа саморазвития*. По мнению Ф.Энгельса, "...в любой области естествознания, даже в механике, делают шаг вперед каждый раз, когда где-нибудь избавляются от слова *сила*" [20, с.130].

Всякое изменение-движение-развитие объясняется наличием двух неравных, нетождественных начал в едином их природно-обусловленном **отношении**, наделенных, с одной стороны, неиссякаемым естественным стремлением к единению и **взаимовыраженности**, и, с другой стороны, – не менее естественными несовместимостью и противоположением. Как уже отмечалось ранее, подобное двуединство и противоборство двух начал в их природном стремлении к тождеству и никогда этого тождества не достигающих, и определяет многообразие и уникальность форм окружающего мира.

Отношение {содержание/форма} в сочетании с формулировкой *принципа саморазвития* дает достаточно исчерпывающее представление о направленности всех процессов, как на гносеологическом, так и на онтологическом уровнях реальности, и, потому, может служить естественно-объективным основанием для объединения наук, сложившихся на протяжении периода гносеологической активности человеческого мышления.

О какой-то связи между компонентами в отношениях, таких, скажем, как {содержание/форма}, {субъективное/объективное}, {абстрактное/конкретное}, {человек/природа} и т.д., можно говорить только тогда, когда установлено присутствие одного компонента в другом, когда эти компоненты взаимопроникнуты и выражаются друг через друга, когда между ними установлено некое соотношение. Формулировка принципа саморазвития в наиболее компактном виде просто "проявляет" и "закрепляет" подобное представление о динамической взаимосвязи компонентов-составляющих реальности: развитие чего бы то ни было направлено на поглощение, ассимиляцию и воспроизведение себя же таким путем развивающегося, а также на установление, всякий раз, нового соотношения между исследуемыми компонентами "содержание" и "форма" в исследуемом их отношении {содержание/форма}. Как частный случай развития, как отдельная его ветвь, человеческое познание также ориентировано на постижение себя же познающего и таким путем развивающегося.

Объективный процесс повышения содержательности форм на гносеологическом уровне (в результате активной "работы" принципа саморазвития на уровне мышления) воспринимается и оценивается самим мышлением, как возрастание степени его (мышления) адекватности, что эквивалентно совершенствованию форм и способов его представления и существования на этом уровне – (в виде) понятий, категорий, теорий, умозрительных моделей и т.п.

На других уровнях, результаты "работы" того же принципа, соответственно, другие. Так, скажем, на уровне живого неодушевленного (растительного и животного мира, включая и человека как животного), процесс накопления содержания облачен в следующие формы: извлечение питательных веществ из почвы и окружающей среды (у растений); собирательство, поиск, охота и поедание добычи (у животных); прием пищи (у человека). Движение и обогащение содержания посредством воспроизводимых и изменяющихся наследственных (наследуемых) форм, т.е. посредством воспроизведения потомства, – также находится в ряду содержательного развития на растительном и животном уровнях. Иными словами, на более примитивных (с точки зрения человеческого сознания) животном и растительном уровнях, и содержательные накопления реализуются, соответственно, в более примитивных формах – менее объемлющих и менее содержательных, чем на уровне мышления. Показателем же оценки результатов "работы" того же принципа на этих уровнях, подобно показателю адекватности для уровня мышления, служит эффективность решения

животным или растением задач по выживанию и обеспечению собственного устойчивого развития.

Из сказанного в двух предыдущих абзацах следует, что непреодолимой пропасти между содержательным движением на уровне "живого неодушевленного" и на уровне "мышления" не существует. Эта пропасть легко преодолевается, если рассматривать мышление с его формами и способами существования (в виде понятий, категорий, умозрительных моделей, теорий, концепций, учений и т.п.) не как некое "идеальное отражение" чего-то материального в мозгу человека, а как **продолжение** реализации того же механизма, того же алгоритма содержательного движения, но в других (специфических) формах и на другом уровне, – с уклоном, со смещением в сторону все более объемлющих, все более *содержательных* форм развивающейся реальности, каковыми являются вышеупомянутые понятийные формы. Таким образом, ключевым моментом в осознании существа перехода содержательного движения с уровня на уровень является понимание или представление **о смене форм содержательного движения** (в сторону возрастания степени абстрагирования форм), но **без смены принципа** (механизма или алгоритма) **этого движения**.

Ни природа, ни материя не наделены "всеобщим свойством отражать", а выступают лишь формами проявления действия единого универсального динамического принципа саморазвития, обуславливающего "самонаворачивание" или спирально-циклическое движение всего сущего, что в статике воспринимается человеческим мышлением как отражение себя в себе или как самоотражение.

Нужно отметить, что прогноз по поводу возникновения и появления еще более абстрагированных форм, следующих за формой мышления, делается здесь уже не на пустом месте, а на основании и с учетом *принципа саморазвития*, обуславливающего спирально-циклические содержательно-форменные трансформации с уклоном в сторону прироста содержательности очередных новых форм. Было бы "верхом верхоглядства" не видеть того, что формой человека и его мышления содержательное движение (или движение содержательной составляющей реальности) не заканчивается и не исчерпывается. Как, в каких новых абстрагированных формах продолжается это движение после содержательно-форменного "перехода" или "скачка" от формы человека с его сознанием – предстоит еще исследовать и выяснять. Однако со всей определенностью можно сказать, что ни к какому вечному раю или аду под покровительством "верховного божества" эти очередные перспективные формы касательства не имеют. Абсолют не возможен, не осуществим **в принципе!** Всякая последующая форма **отчасти** содержит в концентрированном ("снятом") виде (и, в какой-то мере, даже "превосходит" собой) содержание формы предшествующей, но отнюдь не является окончательной и всеобъемлющей. Содержательное движение неисчерпаемо и на очередных своих этапах предстает посредством все новых и все более содержательных (а, потому-то, и все более абстрагирующихся) форм.

В этой связи позволим себе привести маленький пример-иллюстрацию к сказанному. Ясным солнечным утром вы "прогуливаете" свою собаку на лесной опушке. Любопытное животное не преминет, пожалуй, сунуть лапу или нос в лесной муравейник, окажись таковой поблизости. Как истинный любитель и охранитель дикой природы, а может, по каким-то иным соображениям, вы поспешите оттащить пса от муравейника за поводок. Теперь поставьте себя на место муравья и представьте себе то беспокойство и ужас, которые овладевают вами всякий раз, когда непонятное нечто, по вашим меркам всемогущее, но

чуждое всей вашей муравьиной сущности, вдруг обрушивается откуда-то "сверху" на вашу размеренную муравьиную жизнь.

И вот в один прекрасный день пелена с ваших глаз спадает и обнаруживается, что это самое, ужасающее и всемогущее нечто сидит на коротком поводке у другого "божества", – еще более "верховного" и еще более "главнокомандующего", которое не дает разгуляться первому "вседержителю" муравьиных судеб. На всякого "хозяина" первого уровня находится свой "хозяин" второго уровня, ибо цепочка форм содержательного движения – бесконечна. Не исключено, что "хозяин" первого уровня каким-то образом "вмешивается" в вашу муравьиную жизнь, но верно, однако и то, что он зависим не только от "хозяев" других "верховных" или более вершинных уровней развития, но, также, и от вашего муравьиного уровня. И имя всей этой структуре из вложенных (точнее, сопряженных преемственных) форм и процессу, ее порождающему, – спиралеобразная "самонаворачивающаяся" содержательно-форменная бесконечность. Будем надеяться, что этот крайне упрощенный пример хоть как-то поможет разобраться в существе содержательно-форменного движения. Если же и после такой иллюстрации вы не прекратите считать, что всемогущее "божество на поводке" остается для вас самым "верховным главнокомандующим", которому, как и прежде, нужно бить поклоны в надежде на его покровительство и защиту, то уже ничто не сможет помешать вам и далее пребывать с миром в плену ваших сладких грез и заблуждений.

[К слову сказать, искать следы присутствия более высокоорганизованного (т.е. ушедшего вперед в своем развитии) уровня-формы, исходя из примитивных представлений о внеземном "разуме" и иных формах "жизни", нелепо и бесплодно. Пока с уверенностью можно утверждать лишь то, что отличается этот очередной уровень развития реальности от форм-уровней нашего кластера реальности *существенным скачком в интенсивности содержательно-форменных трансформаций*. Сказать же что-то определенное о формах, в которых обретается реальность на том очередном ее уровне, все еще крайне проблематично].

§ 8. Проблема объективности и независимости объекта от субъекта с позиции наших представлений.

Проблему независимости-зависимости объекта от субъекта в ходе установления объективности содержания в развивающихся формах реальности пробовали решить и решают многие исследователи. Здесь предлагается следующий вариант ее решения, а, точнее, всего лишь *очередное приближение* к "исчерпывающему" (т.е. "полному и окончательному") ее решению.

Острый момент, с которым, так или иначе, сталкиваются все философские течения – это необходимость принятия той или другой стороны в рассуждениях о независимости или, наоборот, взаимозависимости объекта и субъекта. Диамат, как известно, решает эту задачу в пользу видимой и мыслимой независимости объекта от субъекта. С нашей же позиции вопрос о независимости объекта от субъекта или объективного от субъективного в соответствующих их отношениях {субъект/объект} и {субъективное/объективное} сродни вопросу о попытке разделения и обособления содержательного и форменного компонентов в исходном, наиболее общем (абстрактном) отношении {содержание/форма}. Применительно к этому отношению истоки различия указанных компонентов уходят в латентное (скрытое) **синкретическое** единство. Справедливость такой оценки и такого вывода подтверждается точкой зрения Г.В.Ф.Гегеля: "При рассмотрении противоположности между формой и содержанием существенно важно не упускать из виду, что содержание не бесформенно, форма в одно и то

же время и содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему"; и даже еще более определенно: "...форма есть содержание..." [3, с.298].

Полагая, что отношения {субъект/объект} и {субъективное/объективное} являются лишь более конкретными проявлениями абстрактного отношения {содержание/форма}, тот высокий ранг *субъектности* [5], которым наделяются "числители" первых двух вышеуказанных отношений, на наш взгляд, никак не исключает глубинную нераздельность и зависимость их от соответствующих "знаменателей", – разве что отмечаемые нераздельность и зависимость становятся еще более латентными и неявными при сопоставлении с недвусмысленно проявляющейся взаимозависимостью компонентов в отношении {содержание/форма}. Последнее обстоятельство (возрастающая скрытность) и служит источником утверждений о независимости компонентов объективного и субъективного (объекта и субъекта) друг от друга, безапелляционно и бесконечно воспроизводимых (речь идет об утверждениях) приверженцами этого мнения.

Исходя из нашей позиции, нужно констатировать, что, с точностью до наоборот, *видимая* обособленность, автономность, самостоятельность и независимость друг от друга компонентов объективного и субъективного лишь относительно, поскольку субъектность (как активное деятельное начало, как самостоятельность, как самость, как индивидуальность, как состоятельность [15]) характерна для содержательных компонентов (т.е. "числителей") всех конкретных отношений этого типа, и эта субъектность или большая активность одного компонента по отношению к другому отнюдь не упраздняет их взаимозависимость и глубинную нераздельность, а, следовательно, и обратную связь или влияние друг на друга.

Известным примером демонстрации присутствия той же скрытой синкретической нераздельности компонентов в отношениях подобного типа служит и древний парадокс, касающийся установления первичности курицы или яйца.

К слову сказать, активность и лидирующее начало компонента содержания по сравнению с пассивностью и консервативностью компонента формы в самом отношении {содержание/форма}, как предтеча наглядно проявляющейся субъектности "числителей" производных отношений {субъект/объект} и {субъективное/объективное}, так же не является препятствием для глубинного синкретизма компонентов-составляющих этого абстрактного отношения.

Подытоживая сказанное, наберемся смелости заявить, что применительно ко всем вышерассмотренным отношениям, подобный вопрос по установлению первичности и утверждению полной независимости компонентов этих отношений друг от друга не решаем и бессмыслен *в принципе*, поскольку в самом содержании или содержательном компоненте исходного (для всех конкретных отношений) отношения {содержание/форма} уже **изначально** присутствует субъектность содержания по отношению к форме, как в компоненте с явно выраженным признаком активного лидирующего начала по сравнению с более пассивным консервативным компонентом формы, и, тем не менее, истоки качественного отличия одного компонента данного отношения от другого (истоки различения компонентов данного отношения) уходят в нераздельное *синкретическое* единство.

В "неживой" (предметной) природе эта, скажем так, "субъектность вещи" проявляется эпизодически и потому явным образом выражена довольно слабо, нечетко, завуалировано, но, между тем, и там уже служит подоплекой всевозможных взаимодействий, проявляющихся в виде столкновений, соударений, разрушений, взрывов и, в общем случае, всяческих изменений (ветров, ураганов, пожаров, ливней, наводнений, землетрясений и т.д., и т.п.).

По мере же интенсификации содержательно-форменных переходов в ряде и через ряд весьма конкретных отношений, указанная субъектность содержательного компонента "крепнет" и все увереннее и явственнее "выступает" вовне, обнаруживая тем самым очевидное противостояние и противоборство двух составляющих, двух компонентов некоего единого отношения, пока, наконец, не оформляется в, якобы, отдельно, автономно и независимо от формы (т.е. объекта, природы) существующего содержательного субъекта (человека или высшего животного, в некоторых случаях), утратившего с объектом (природой) на самом деле всего лишь **явственно (визуально)** выраженную связь.

Пресловутое активное начало, скрытно присутствующее в любом элементе реальности (проявляющееся, например, посредством движения электронов в атомах и молекулах, или в виде, так называемых, сил тяготения между небесными объектами, или посредством потоков солнечных (космических) лучей и воздействия электромагнитных полей, или в виде земных торнадо, циклонов, вулканов и т.д.) – это первообразное той активной содержательной (субъектной) составляющей всего "неживого" и "живого", которая впоследствии, после прохождения многочисленных промежуточных форм, преобразуясь и видоизменяясь до неузнаваемости, предстает, наконец, перед нами в образе или виде личности человека как творца, созидателя, субъекта, будучи, однако, вместе с тем, латентно привязанной к форменной пассивной (объектной) составляющей в едином и цельном отношении {субъект/объект}. Таким образом, взаимонезависимость формы и содержания, равно как объекта и субъекта в разобранных случаях весьма относительна – где-то большая, где-то меньшая; однако, в любом случае обратной стороной этой **видимой** независимости выступают их **скрытые** глубинные, сущностные единство и взаимообусловленность.

Субъективное выросло из, так называемого, объективного, является его продолжением, но лишь другими формами, и уже только по этой причине их (объективное и субъективное) нельзя считать полностью независимыми друг от друга. Субъективное включает в себя **развитое** содержание объективного, – в некотором смысле "преломленное" субъектом первоначальное (исходное) содержание объекта. Субъект – это и есть новая форма "восходящей" сути объекта. Но, если субъективное содержит в себе истоки и *развитую* часть объективного, не означает ли это то же самое латентное единство с объективным наподобие синкретизма составляющих в отношении {содержание/форма}? И то, что в облике обратной связи субъект способен оказывать воздействие на объект, также доказывает их единую природу и основу. Тем самым, независимость объекта от субъекта может быть признана чисто номинальной, относительной, и, отнюдь, не абсолютной.

Исторически состоявшееся и визуально констатируемое выделение или вычленение субъекта из объекта свидетельствует лишь о том, что какой-то своей частью объект по-прежнему содержится и присутствует в субъекте и, следовательно, представляет собой и часть их общей системы и, потому, от нее зависим, – что, в сущности, и подтверждается возможностью обратного влияния на объект со стороны субъекта.

Под объективным содержанием реальности в предельном его выражении (подобно понятию абсолютной истины как движения от истины относительной в направлении достижения истины абсолютной) понимается **движение-развитие** ее (реальности) содержания посредством форм разных уровней **в направлении** обретения единой обобщенной формы наивысшей (максимально возможной) содержательности. В ходе подобного движения-развития, регистрируемого и фиксируемого человеческими органами чувств и мышлением, имеет место смена

форм представления и обретения содержания на разных уровнях: от "неживых", далее, к "живым-неодушевленным" и, затем, "живым-мыслящим-одушевленным", отличающимся разными соотношениями компонентов {субъективного/объективного} в их разноуровневых отношениях-формах. При этом каждая из форм последовательно вырастает из предшествующей, являясь, как бы, ее **продолжением** и оставаясь в связке (при неизменном наличии прямой и обратной связи) со всеми предыдущими формами-уровнями, вовлеченными в общее спирально-циклическое содержательно-форменное движение.

Будучи теснейшим образом переплетенными в одной связке, эти формы движения-развития объективного содержания, тем не менее (и именно вследствие взаимоувязанности), пронизаны и опосредованы субъективной формой **условно конечного** и наивысшего (из достоверно выявленных на данный момент) уровня, каковой является форма человеческого мышления (сознания). Такого рода опосредованность не может не сказаться на оценке самой объективности (объективного содержания) через призму субъективности, т.е. обуславливает невозможность выделения и отделения собственно объективного содержания от "примеси" содержания субъективного, от присутствия компонента субъективного, и невозможности проведения оценки объективности вне присутствия составляющей субъективности.

В силу неизбежности проведения оценки объективности через призму субъективности, само объективное проникается субъективным и облачается в форму общепринятого и *общезначимого*, что, однако, не мешает этой форме быть **продолжением объективного**, и, одновременно, *быть этим же объективным*. Отдельные субъекты или индивиды потому-то и схожи между собой, оттого-то и подобны друг другу (как внешне, так и внутренне), что на деле являют собой обобщенную (совокупную) форму обретения **единого объективного содержания** реальности, представленную *единообразными фрагментами* на вполне определенном уровне ее (реальности) движения-развития.

Однако, реализуемый через совокупность или ряд подобных друг другу субъектов (индивидов) набор субъективных содержаний обретает статус содержания объективного не сразу и не всегда. Субъективные содержания, представляемые абстрактными субъективно-идеальными формами, лишь тогда могут считаться объективными, когда объективность их проверена и подтверждена преемственностью содержаний всех слоев-форм обобщенной пирамиды (см. §6-7), и, в первую очередь, возможностью и допустимостью выражения ("замещения") надстроечных содержаний вершинных форм пирамиды содержаниями первичных вещественно-предметных форм, лежащих в основании той же пирамиды. Вне такой проверки содержание прежде принятого общезначимого (с "налетом" субъективного) может оказаться обыкновенной ложью, одобренной и утвержденной коллективным большинством в расчете на свои сиюминутные выгоды и предпочтения. О способах и приемах установления *объективности содержаний* субъективных форм будем говорить ниже.

Таким образом, объективное содержание – это тоже, по большому счету, всегда лишь отношение типа {субъективное/объективное}; в чистом виде нет ни того, ни другого. О какой форме объекта можно говорить вне опосредованности ее субъектом? Вне отношений с субъектом – это всего лишь неопределенность. Пополняющаяся совокупность отдельных субъективных восприятий одного и того же нечто и демонстрирует собой приближение ко все более полному выражению объективного содержания этого нечто. Критерием **полноты** выражения или постижения объективного в таком случае может быть лишь объем

(или "количество") содержательности, который дает "добро" на становление и успех существования той или иной формы.

Подчеркнем здесь еще раз, что субъективный образ объекта есть не *отражение* объекта, а *продолжение* в специфической форме его (объекта) развивающегося содержания (подобно продолжающемуся "восхождению" сути объекта в иных, отличных от предметной, формах).

Так что полной независимости объекта от субъекта, равно как и субъекта от объекта, не бывает, – именно в силу *синкретизма* связи содержательного и форменного компонентов в отношениях {субъект/объект}, {субъективное/объективное}.

Самый простой и наглядный пример из повседневной жизни в подтверждение сказанного – это отношение {ребенок/мать}. "Числитель" и "знаменатель" указанного отношения соотносятся между собой как компоненты субъект-объект, изменение-основа, содержание-форма в соответствующих отношениях {субъект/объект}, {изменение/основа}, {содержание/форма}. По отношению к своему ребенку мать, безусловно, выступает в данном случае и как основа, и как форма, и как объект – кто бы, что бы на этот счет ни говорил. Как бы ни были далеки друг от друга в пространстве и во времени мать и ее ребенок, обоюдная связь и взаимозависимость сохраняются навечно – в генах, в тканях, в мыслях, привычках, поведении, образе жизни, предпочтениях и т.д., и т.п. Даже современными не столь совершенными средствами объективного контроля установить это родство (или существование общей неизбывной **объективной** объединительной **основы**) не представляет никаких трудностей.

§ 9. Точка зрения диамата на роль абстракций и субъективно-абстрактных форм в ходе познания. Толкование термина интерпретация.

Чтобы продвинуться дальше в изложении наших взглядов и подхода, придется ненадолго остановиться на представлениях диалектического материализма о роли абстракций и необходимости обращения в ходе познания к субъективно-абстрактным формам.

Метод абстракций (или абстрагирования), по определению "Философского энциклопедического словаря" [19, с.7] – это универсальный метод познания, логическая основа понимания природы и общественной жизни, – и в субъективном смысле, так как посредством абстракции "...мы превращаем всякую вещь в логическую категорию..." [14, с.131], и в смысле объективном, поскольку абстракции (категории мышления) есть "...выражение закономерности и природы и человека..." [12, с.83].

О значимости и глубине разработанности этого метода свидетельствует следующая его характеристика: "Абстракции, применяемые к непосредственным чувственным данным называются абстракциями первого порядка; абстракция от абстракции первого порядка дает абстракцию второго порядка и т.д. Познавательное значение могут иметь абстракции любого порядка, но особого доверия заслуживают абстракции, результаты которых могут быть осмыслены на материальных моделях. Такие абстракции называются **реальными**, остальные – **идеальными (идеализациями)**. Важнейшей задачей научной методологии является осмысление абстракций высокого порядка через абстракции более низкого порядка или **замена идеальных абстракций реальными**. ...Наиболее развитой системой абстракций обладает математика, которая сама по существу является наукой об абстракциях: они составляют ее предпосылку, метод и предмет" [19, с.7]. Здесь же приведено еще одно чрезвычайно важное, на наш

взгляд, суждение относительно того, что обычное осмысление, скажем, абстрактных теорий идет, как правило, путем **интерпретации**.

Потребность в анализе и систематизации разрабатываемых мышлением абстрактных построений, а также вышеперечисленное разнообразие и иерархия последних показывают, – насколько важно для человека (познающего субъекта, исследователя) уметь корректно оценивать истинность этих построений и иметь в своем распоряжении надежные **критерии** и **способы** такой оценки.

Как видим, к анализу предназначения и роли абстракций диалог подходит весьма серьезно. Какая основная мысль прослеживается в описании метода абстракций? Та, что понимание и толкование абстракций требует выражения их друг через друга (высших через низшие, и, далее, тех и других – через самые, что ни на есть, предметные и конкретные, – материальные). И второе важное обстоятельство, здесь же отмечаемое, указывает на то, что осмысление абстракций идет, как правило, путем *интерпретации*.

В указанной связи необходимо еще попутно выяснить – какое содержание вкладывает диалог в понятие *интерпретация*. В широком смысле интерпретация означает "истолкование, объяснение, перевод на более понятный язык" [17, с.502]. В науке и логике это понятие трактуется как "совокупность **значений (смыслов), придаваемых** каким-либо образом элементам некоторой теории (выражениям, формулам и отдельным символам)". И далее: "Интерпретация теоретических построений развитых областей научного знания носит, как правило, опосредованный характер и включает в себя **многоступенчатые** [сравни: многоуровневые – прим. автора], **иерархические** системы промежуточных интерпретаций. Связь начального и конечного звеньев таких иерархий обеспечивается тем, что **интерпретация интерпретаций** какой-либо теории дает непосредственную ее **интерпретацию**. Т.о., **интерпретация** есть инструмент научного моделирования. ...В содержательных естественнонаучных и математических теориях всегда подразумевается некоторая **интерпретация**: такие теории используют лишь осмысленные выражения, т.е. смысл каждого выражения предполагается с самого начала известным" [19, с.215].

В продолжение списка приведенных цитат нельзя не согласиться и со следующим толкованием: "Содержательное знание это такое знание, термины и высказывания которого имеют некоторое значение и смысл, то есть определенную *интерпретацию*. **Быть содержательным и означает не что иное, как иметь интерпретацию**" [10].

И, наконец, завершая цитирование трактовок термина "интерпретация", приведем еще одно суждение, согласно которому *интерпретирование* понятий означает не что иное, как выявление наличия в них *объективного содержания* [7].

§ 10. Роль абстракций и субъективно-абстрактных форм с позиции наших представлений.

Ввиду важности вышеуказанных вопросов поговорим основательно о том, что же являются собой субъективные абстрактные формы, какова их роль и каковы, в конце концов, критерии истинности этих форм – теперь уже с позиции наших представлений.

Как показывает череда вышеприведенных (см. §9) толкований и определений, процесс познания не сводится к необходимости выражения абстрактных форм исключительно или только лишь через предметные формы, а решает задачу последовательного выявления и подтверждения **объективности** содержаний всех наличествующих в познавательной цепочке форм (от форм

предметных, через формы ощущений к формам мышления и, в рамках этих последних, – всей разветвленной иерархии абстрактных построений и конструкций) путем выражения их друг через друга. В конечном итоге этот прием или способ взаимовыражения форм друг через друга и должен приводить к установлению истинности или ложности "вершинных" субъективных абстрактных форм.

Подобный прием или способ в самом широком его смысле именуется *интерпретированием*. В наиболее общем случае главным доказательством истинности иерархической цепочки абстрактных форм оказывается их интерпретируемость (т.е. возможность и допустимость интерпретирования абстрактных форм более конкретными формами). Как можно уже догадаться, частным случаем технологии интерпретирования, известным и применяемым с незапамятных времен, является процедура практики, сводящаяся к интерпретированию абстрактных форм формами, в подавляющем большинстве, предметными, опосредованными формами ощущений (или, так называемым, "эмпирическим опытом").

О чем, в конце концов, здесь идет речь? В сущности, о намерениях иметь обоснованную возможность выражать одно через другое: непонятное через понятное, частное через общее, абстрактное через конкретное, – и затем это конкретное, в свою очередь уже, заменять *преemptивным содержательным абстрактным*, чтобы **оперировать в дальнейших исследованиях именно проверенным абстрактным, как очередным, более продуктивным и эффективным средством познания.**

В отличие от содержания формы-уровня чувственного (субъектами которого могут служить человек и животное), содержание формы-уровня идеального (субъектом которого служит человек с его мышлением) в рамках, скажем, процесса познания упоминаемого выше предмета (камня-валуна, см. §6) составляют следующие абстракции (в порядке возрастания степени абстрагирования): габариты предмета (длина, ширина, высота); форма предмета (цилиндр, куб, шар и т.д.); вес (масса) предмета; цвет предмета (длина волны отражаемого света и его интенсивность); твердость материала предмета (по Роквеллу, Бринеллю, Виккерсу); прочность предмета (на разрыв, срез, изгиб, удар и т.д.); радиоактивность материала и т.д., и т.п. Все это животными (от муравья до собаки и, далее, вплоть до человекообразного) просто не оценивается; знание вышеперечисленных свойств предмета – это из области содержательного идеального, имеющего значение лишь для человека как "продвинутого" субъекта познания.

При установлении истинности абстрактных форм (т.е. наличия в них объективного содержания) необходимо фактически отвечать на вопрос: а допускает ли найденная абстрактная конструкция или построение (как продукт формы мышления) замену или выражение посредством конкретной формы предметности и/или посредством менее конкретной (чем предметная) формы ощущений, и в какой степени возможна и допустима такая замена? Например, чтобы самым простейшим способом удостовериться в истинности или справедливости абстрактной формулы, описывающей пресловутый закон Бойля-Мариотта ($PV = \text{const}$: объем V газов обратно пропорционален давлению P [11, с.131]), необходимо эмпирически или мысленно "заменять" ("замешать" или "наполнять") эту абстракцию конкретными ощущениями; т.е. при изменении положения поршня в цилиндре, к примеру, путем нажатия на шток поршня рукой, ставить в соответствие всякому его положению (что регистрируется визуальным образом в качестве зрительных ощущений) величину ответной силы или обратного давления поршня на руку (что, опять-таки, регистрируется

органами осязания как тактильные и мышечно-двигательные ощущения). Если при некотором стандартном наборе начальных условий (постоянная температура и неизменная масса газа в цилиндре), ограничивающих область применимости или справедливости данного закона, такая замена возможна и допустима многократно, то данный абстрактный продукт формы мышления может считаться истинным. И в данном же случае, как это видно, практические действия и их результаты служат мерилom или способом, удостоверяющим возможность замены (той или иной степени полноты) найденной абстрактной формы (формулы) конкретной формой другого, более "приземленного", более "низкого" уровня (т.е. измерением перемещений поршня и соответствующих им усилий). Причем, для увеличения упомянутой степени полноты замены (в целях расширения границ применимости абстрактной формы) описание абстрактной формы (в данном случае формулы) требует, как водится, доработки и усовершенствования, в результате чего первоначальная простая абстрактная форма (формульное описание закона Бойля-Мариотта) при других наборах фиксированных начальных условий и параметров окружающей среды может принимать вид законов Гей-Люссака, Шарля, Авогадро и, в конце концов, при соответствующем наборе начальных условий может быть заменена универсальной абстрактной формой с максимально расширенными границами ее применения. Как следствие произведенных уточнений и доработки исходной формы закона, появляется уравнение Менделеева-Клапейрона [22].

Иными словами, суть практических действий или проверка практикой сводится к установлению возможности и допустимости замены или замещения содержания некой абстрактной формы (в данном случае формульного описания закона Бойля-Мариотта) содержанием формы, опять-таки, более конкретной (в данном случае содержанием формы ощущений). Если возможность такой замены обеспечивается и подтверждается, то подтверждается или удостоверяется, тем самым, и истинность абстрактной формы. В конечном же итоге (отметим еще раз) проверка практикой на деле оказывается частным случаем или разновидностью более широкой, обобщенной процедуры установления истинности знания, каковой является оценка возможности или допустимости *интерпретирования* содержания абстрактных форм содержаниями форм более конкретных, т.е. подобными же, родственными практическими примерами и добываемым (добытым) фактическим материалом. Если абстрактная форма допускает интерпретирование (т.е. наполнение конкретным предметным содержанием, сопряжение и преемственность содержаний сопоставляемых форм с переходом их друг в друга), то такая абстрактная форма может быть квалифицирована как *содержательная и истинная*.

Установление истины включает согласование содержаний форм (чувственного и идеального), нахождение соответствия содержаний тех же форм, и, как перспектива, определение количественных соотношений между объемами сопрягающихся содержаний ...

Вопрос установления и оценки истинности знания и наличия *объективного содержания* в абстрактных формах, которыми это знание представлено – всегда чрезвычайно актуален, и не только для научных и высокоинтеллектуальных сфер человеческой деятельности, но и для повседневной жизни.

В конечном итоге наиболее важным в процессе познания оказывается содержательная увязка абстрактных форм с конкретными, допускающая интерпретирование или выражение этих абстрактных форм через предшествующие более конкретные (в том числе и предметные) формы-уровни с тем, чтобы впоследствии **оперировать** этим **абстрактным, как более мощным**

инструментом познания взамен употребляемых с этой же целью конкретных форм.

§ 11. Развитие как траектория содержательно-форменных превращений (т.е. смены форм) в ходе содержательного движения. Способы установления наличия и полноты объективного содержания в сменяющихся формах.

Итак, траектория содержательно-форменных превращений в ходе "сквозного" содержательного движения выглядит следующим образом.

Принимая за *условное* начало содержательного движения (и превращений форм) форму предметности, отмечаем первый переход содержания этой формы (в силу неизбежности содержательно-форменных трансформаций, обусловливаемых принципом саморазвития) в содержание формы ощущений; далее, наблюдаем переход содержания формы ощущений (путем содержательно-форменных трансформаций, обусловливаемых тем же принципом саморазвития) в содержание формы мышления. При этом объективность содержания форм представленной цепочки оценивается лишь опосредованным образом – при неизменном участии формы ощущений и формы мышления.

Для установления наличия *объективного содержания* в предметных формах окружающего мира служат, в конце концов, не только формы ощущений (органы чувств) человека, но и органы чувств других представителей животного мира. Поэтому, не одна лишь предметно-практическая деятельность человека или практика оказывается способом оценки содержательности предметных форм; в случае выражения содержания указанных предметных форм посредством содержания форм ощущений животного мира подобным же средством является поведенческая реакция животных.

Наличие *объективного содержания* в предметных формах в наиболее простых случаях беспристрастнее и надежнее доказывается, как раз таки, сопоставлением поведенческих реакций (повадок, ужимок, эмоций, наборов звуков и т.д.) других, помимо человека, представителей животного мира. Если люди могут договариваться между собой по части согласования реакций на один и тот же предмет (что и означало бы "протаскивание" в качестве **объективности** пресловутой **общезначимости** мнений о предмете как результата некой договоренности между людьми), то представить себе подобную же договоренность между животными в отношении схожих реакций на исследуемый предмет – просто невозможно.

На стадии трансформации объективного содержания предметных форм в содержание форм ощущений представителей животного мира, включая и человека, происходит наполнение и насыщение форм ощущений содержанием (содержаниями) предметных форм. Это – стадия накопления формами ощущений так называемого "эмпирического опыта". Установление наличия *объективного содержания* в формах ощущений и проверка (оценка) содержания форм ощущений на объективность этого содержания осуществляется процедурой практики.

Установление *объективности содержания* предметных форм выполняется сопоставлением содержаний как можно большего числа форм ощущений. При совпадении или одинаковости содержаний ряда или множества форм ощущений делается заключение об *объективности содержания* предметных форм. Если последствия и результаты взаимодействий форм ощущений с предметными формами (и предметных форм между собой) оказываются примерно одинаковыми, то подобным совпадением содержаний множества форм ощущений представителей животного мира, включая человека, и доказывается

относительно независимое от отдельных форм ощущений *единообразие* содержания предметного мира, т.е. *объективность* этого содержания.

Кроме того, совпадением или тождеством содержаний форм ощущений (для ряда или множества представителей животного мира, включая человека) доказывається не только наличие общего объективного содержания в предметных формах, но и объективность содержаний в сопоставляемых формах ощущений.

Итак, на некотором этапе движения-развития реальности, содержание предметных ее форм трансформируется в содержание более подвижных и "продвинутых" форм, каковыми становятся формы ощущений представителей животного мира, включая человека; иными словами, упомянутое содержание предметных форм "восходит", так сказать, на новый уровень своего представления формами ощущений. Объективность содержания предметных форм, как и содержаний форм ощущений, устанавливается практическим путем (процедурой практики) – оценкой возможности и допустимости замены содержаний одних форм ощущений содержаниями других форм ощущений (т.е. проведением указанной оценки, как бы, "по горизонтали"), о чем и должна свидетельствовать одинаковость (совпадаемость) содержаний этих форм при их сопоставлении. Даже само наличие подобных друг другу или одинаковых форм-носителей ощущений во множественном числе (например, человеческих индивидов) доказывает преимущество содержаний формы ощущений и формы предметности и, в конечном итоге, объективность содержаний этих форм.

Это то, что касается связки форм предметности и ощущений. Теперь – о связке форм предметности, ощущений и мышления.

Объективность содержания форм мышления проверяется и подтверждается путем сравнения и установления наличия в этих абстрактных формах конкретного содержания, единого и общего, в какой-то мере, для всей связки форм предметности, ощущений и мышления.

Объективность содержания более абстрагированных (по отношению к формам предметности и ощущений) форм мышления доказывається возможностью и допустимостью **приблизительного** выражения или замещения содержания абстрактных форм содержаниями более конкретных предметных форм, опосредованными формами ощущений. Кроме того, на уровне самого мышления, для подтверждения истинности сугубо (высоко) абстрактных форм-продуктов мышления могут привлекаться менее абстрактные формы-продукты того же мышления, уже имеющие или получившие статус подлинного знания (носителей объективного содержания) на предшествующих этапах человеческой деятельности. В данном случае речь идет о проведении оценки содержательности форм, как бы, "по вертикали".

Далее, выявить объективную содержательность некоторой абстрактной формы-продукта мышления – это, значит, установить (путем сравнения) наличие в этой форме содержания, общего с содержаниями более конкретных сопряженных форм, и на этом основании сделать заключение о том, "укладывается" ли содержание абстрактной формы в цепочку содержаний предшествующих конкретных форм и продолжает ли собой эту цепочку; позитивный ответ на эти вопросы означает положительный ответ и на вопрос – может ли, таким образом, содержание исследуемой абстрактной формы претендовать на *объективность*.

Наука считается скептическим методом познания, утверждавшимся на протяжении 400 лет в условиях жесточайшей конкуренции взглядов на то или иное явление (в смысле объяснения его основ и прогнозирования его последствий). Что же обеспечило, в таком случае, прерогативу научного подхода и превосходство способа научного мышления (и получения знаний) по

отношению к другим методам? Установка и нацеленность исключительно на **объективность** содержаний добываемых знаний, удостоверяемую *преемственностью* сопрягаемых и переходящих друг в друга *объективных содержаний* форм, интерпретирующих эти знания.

Процедура установления присутствия и объема ("количества") объективного содержания в той или иной совокупной форме, каковой является, скажем, многоуровневая форма самого человека, требует оценки наличия обязательной прямой и обратной связи между уровнями в их совокупности (совокупной форме). Практика или предметно-практическая деятельность человека как раз и выступают в роли способа или приема, подтверждающего или удостоверяющего наличие такой связи. Присутствие непосредственной связи между уровнями свидетельствует об их преемственности.

Так или иначе, процесс или процедура установления истины или истинности субъективно-абстрактных форм всегда осуществляется спирально-циклическим путем возвращения к истокам (к основанию – к предметным формам и формам ощущений), и, тем самым, возвращения "к себе самому на новом уровне" (в чем, собственно говоря, видится суть и обратной связи, и содержательного обогащения, и изменения-движения-развития в направлении обретения наивысшей содержательности – т.е. объективного содержания – всей совокупностью форм).

Если в ходе осуществления такой процедуры наблюдается отсутствие или неустойчивость прямых и обратных связей между субъективным и объективным уровнями (компонентами в отношении {субъект/объект}), то именно на этом основании и должен следовать однозначный вывод о неистинности, неверности, некорректности, неточности проверяемой субъективной формы-продукта мышления (знания: суждения, утверждения, определения, понятия, формулы, теории, концепции, учения, модели и т.д.).

Ни эволюция, ни революции, ни кризисы, ни конфликты, ни прочие потрясения, таким образом, и не исключены, и не закончены, и не завершены, как неисчерпаемо само развитие; на любом участке пути сам ход или естественный характер развития реальности предполагает возвращение к подножию (основанию) пирамиды, "подпитку" или обогащение обретающегося содержания первородными живительными истоками, и "обратное" его движение к ре-формирующейся вершине, к ре-формирующимся содержательным абстракциям...

§ 12. Критерий истины – содержательность. Развитие как движение форм реальности в направлении обладания наивысшей содержательностью.

Как это уже можно было заметить, центральным понятием, на основе которого выстраивается наше повествование, и которое будет еще настойчивее вплетаться в канву дальнейших рассуждений, является понятие "содержание" и его производное – "содержательность".

В соответствии с воспроизведенной выше точкой зрения *развитие* представляет собой "восхождение" объективного содержания разными, но сопряженными одна с другой преемственными формами, которые по мере упомянутого восхождения становятся все более абстрактными и емкими, сдвигаясь или смещаясь в область все более содержательных *субъектных* форм, т.е. в сторону "числителей" известных отношений {содержание/форма}, {субъект/объект}, {субъективное/объективное}, {абстрактное/конкретное}, {изменение/основа} и пр.

Соответственно нашему подходу развитие реальности осуществляется в направлении возрастания содержательности ее форм, которые, занимая новые информативные уровни, становятся и все более абстрактными.

Зададимся теперь следующим актуальным для нас вопросом: в каком отношении с *содержательностью* форм находится их *истинность*?

Согласно диамату, истина – это *объективное содержание* чувственного, эмпирического опыта, понятий, идей, суждений, теорий, учений и целостной картины мира в диалектике ее развития [19, с.226]. Поскольку содержание не бесформенно, а форма не бессодержательна (см. §8), всякое содержание, в том числе, и отвечающее истине, предстает в реальности или реализуется только через форму, и не иначе, – на что, собственно говоря, и указывается в самом определении истины. Иными словами, истина не проявляется в реальности иначе, чем через **формы** (включая и перечисленные в определении такие формы, как: понятия, суждения, идеи, теории, учения, эмпирический опыт и т.д.), и в указанном аспекте вопрос о том – является ли истина, то же самое, *формой проявления объективного содержания*, – есть вопрос риторический.

По какому признаку (показателю, качеству, свойству, компоненту, составляющей и пр.), исходя из приведенного определения, следует оценивать **истинность** форм и, в том числе, абстрактных форм знания (понятий, идей, суждений, теорий, учений и т.д.)? Очевидно, по наличию в этих формах *объективного содержания*. Иными словами, оценке подлежит **содержательность** форм, и, похоже, именно этот показатель (признак, качество, свойство, компонент, составляющая и пр.) и будет служить **критерием** оценки *истинности* той или иной формы.

Учитывая *синкретическую* нераздельность содержания и формы, о чем говорилось выше, всякая форма "от рождения" наделена некоторым содержанием, но для человеческого мышления ориентиром служит и вызывает интерес, как правило, *максимальная* содержательность и, соответственно, форма выражения *наивысшей* содержательности. Поэтому, логичнее всего предположить, что наиболее содержательная форма (т.е. форма, максимально "наполненная" *объективным содержанием* или форма, обладающая наивысшей содержательностью), и будет формой *истинной*. Таким образом, **истина**, с позиции наших представлений, – это форма выражения **объективного содержания** (т.е. форма выражения *наивысшей, максимально достижимой содержательности*) реальности или отдельного ее элемента на всяком определенном этапе ее (реальности) развития.

Как, каким путем, способом, какими средствами, процедурами, технологиями можно оценивать объем или "количество" *содержательности* той или иной исследуемой абстрактной формы? Путем выражения или "замещения" (хотя бы, мысленного) содержания исследуемой абстрактной формы уже оцененными, проверенными, одобренными и утвержденными человеком (т.е. наделенными статусом *истинных*) содержаниями более конкретных форм. Такая процедура именуется *практикой*, а в рамках более широкого применения подобной процедуры или технологии – *интерпретированием*. В обоих случаях упомянутые процедуры сводятся к оценке возможности и допустимости выражения или замещения содержаний исследуемых абстрактных форм содержаниями форм более конкретных и уже проверенных (наподобие вышеописанного в §10 способа или процедуры оценки истинности абстрактной формы-формулы закона Бойля-Мариотта).

Вот еще пример оценки содержательности и истинности форм. Попросту говоря, если объем шарообразного сосуда радиусом R выражается, согласно "проискам" абстрактного мышления, формулой $4/3\pi R^3$, то не составляет никаких

трудностей проверить или оценить рассчитанный таким образом объем, вливая в сосуд воду или насыпая речной песок. Оценкой содержательности формы мышления (т.е. вышеуказанной формулы), осуществляемой в данном случае способом или процедурой замещения содержания абстрактной формы мышления содержанием конкретной формы ощущений (заполняя сосуд измеренным *затем* количеством воды или песка), можно удостовериться в истинности формулы, т.е. в истинности формы-продукта абстрактного мышления. И далее, эту абстрактную форму (формулу для вычисления объема шара), проверенную миллион раз на соответствие или "совпадаемость" содержания ее с содержанием формы ощущений, можно, в свою очередь, использовать для проверки и оценки содержательности других форм, ссылаться на нее и употреблять в дальнейших исследованиях как основание с *подтвержденной* и *удостоверенной истинностью*.

Таким образом, тот **критерий** (признак, показатель, качество, свойство, компонент и пр.), по которому следует оценивать **истину** или, в общем случае, **истинность** возникающих, существующих и исчезающих форм – это вовсе *не практика*, а **содержательность** форм. *Практика* же – это всего лишь процедура (процесс) проведения такой оценки, причем, ограниченная, в основном, предметной областью деятельности человека. В отношении более широкой области применения, включающей оценку истинности абстрактных конструкций, построений и структур различной иерархичности и вложенности, такая процедура именуется **интерпретацией** (см. §9) или **интерпретированием**. В данной связи практика оказывается всего лишь частным случаем, узкой прослойкой более обширной процедуры или технологии установления истинности форм – интерпретирования. Тем самым, практика – это также интерпретирование, т.е. замена (зачастую, мысленная) одних форм, как правило, более абстрактных, формами более конкретными и проверенными (в этом же ряду находится и процесс моделирования).

[*Практика* – это, прежде всего, *процесс*, и, потому, в некотором смысле *неопределенность*, что само по себе не очень-то подходит под определение *критерия*. С позиции наших рассуждений *критерием истины* является не сама по себе практика или предметно-практическая деятельность субъекта с ее результатами, а *наличие* и *объем* или "количество" *объективного содержания* в исследуемых абстрактных формах, что и устанавливается с помощью процедуры практики или, в общем случае, технологии интерпретирования].

Подлинным критерием оценки истинности абстрактных форм-продуктов мышления является содержательность этих форм. Практика же или интерпретирование – это технология (процедура, способ, процесс, средство и пр.) установления наличия и "количества" содержательности (т.е. *наличия* и "количества" *объективного содержания*) в исследуемых формах, а, значит, в конечном итоге, и *истины* или *истинности* исследуемых форм.

На первом этапе реализации упомянутой технологии устанавливается *наличие* объективного содержания (содержательности) в исследуемых формах путем оценки или проверки возможности и допустимости как можно более полного замещения (выражения, замены) содержаний исследуемых форм содержаниями форм более конкретных (уже проверенных и с подтвержденной истинностью), т.е. устанавливается допустимость замены одного на другое (неизвестного на известное, непонятного на понятное, иррационального на рациональное и т.п.). По результатам такой проверки делается заключение об интерпретируемости исследуемых форм, т.е. о преемственности замещающих и замещаемых содержаний. Интерпретируемость исследуемых форм в таком случае

означает подтверждение наличия некоторого "количества" объективного содержания (содержательности) в исследуемых формах.

На втором этапе оценивается *полнота* такого замещения (т.е. определяется "количество" содержательности исследуемых форм) путем нахождения или установления как можно большего числа конкретных форм (уже проверенных и с подтвержденной истинностью), пригодных для осуществления вышеуказанной замены. По результатам выполненной оценки делается заключение о полноте содержательности, а, затем, и об *истинности* исследуемых форм.

Оба этапа могут объединяться в один и реализовываться одновременно. Таким образом, интерпретируемость исследуемых форм и число интерпретаций дают более или менее полное представление о статусе (истинности или неистинности) исследуемых форм.

На основании вышеприведенных рассуждений, можно прийти к тому выводу, что подлинным **критерием истинности** форм служит их **содержательность**, а *статус истинной формы или истины отвечает форме с максимально достижимой (на том или ином этапе развития реальности) содержательностью*.

Что же такое *содержательность* той или иной *формы*? Следует полагать, что применительно к конкретным предметам и прочим материальным элементам реальности, содержательность (как, преимущественно, внутренний скрытый компонент или составляющая) конкретных форм, должна, тем не менее, представляться извне посредством каких-то конкретных внешних атрибутов этих предметов или элементов. Может быть проявлением содержательности, к примеру, красота формы? Вероятно, может. Красота вполне может оказаться одним из атрибутов, пригодным для оценки содержательности, а, следовательно, и для оценки истинности какой-либо конкретной формы. То же самое, очевидно, можно сказать и о таких проявлениях содержательности конкретных форм как простота (или, наоборот, сложность), экономность (экономичность), полезность, прагматичность, рациональность, системность, целостность, оригинальность и т.д.

Теперь по поводу содержательности *абстрактных* форм: теорий, концепций, парадигм, планов, схем, формул, проектов, диаграмм, моделей, учений и пр. Красота (к примеру, математическая красота и изящество формулы), также, может оказаться внешним проявлением, пригодным для оценки содержательности той или иной абстрактной формы. Внешним воплощением содержательности абстрактных форм вполне могут быть и ясность суждения, и стройность изложения, и доказательность утверждения, и лаконичность мысли (идеи), и логичность выводов, и непротиворечивость теории, и общезначимость результатов, и информативность диаграммы, и простота схемы, и компактность планировки и т.д., и т.п.

Однако в какие бы одежды не рядилась содержательность конкретных и абстрактных форм, в тех и других случаях содержательность, в лице своих вышеуказанных проявлений, должна быть подтверждена интерпретированием оцениваемых форм либо результатами предметно-практической деятельности (практикой), либо многократно проверенными и одобренными результатами (продуктами) теоретической (мыслительной, субъективно-идеальной) деятельности человека. Процедура же интерпретирования подразумевает под собой как можно более полное выражение, замену или замещение (хотя бы, мысленное) содержания исследуемой (проверяемой) абстрактной формы содержаниями форм более конкретных. Тогда, интерпретируемостью форм (т.е. возможностью и допустимостью содержаний исследуемых форм быть выраженными или замещенными содержаниями форм более конкретных и

проверенных) доказывається присутствие *объективного содержания* в исследуемых абстрактных формах.

Максимальная же или наивысшая содержательность, а, значит, и истинность исследуемых форм, в свою очередь, доказывается возможностью и допустимостью выражения или замещения содержания абстрактной формы конкретными содержаниями *максимально возможного* числа конкретных форм разных уровней конкретности (практическими примерами, фактическим материалом, результатами многочисленных экспериментов, многократно проверенными и утвержденными ученым сообществом результатами теоретических исследований и т.п.). Только тогда форма, с оцененной таким образом содержательностью, может претендовать на место в списке *максимально содержательных* абстрактных форм, а, следовательно, и форм *истинных*. Иными словами, истинность, т.е. максимальная или, в крайнем случае, достаточная содержательность абстрактной формы должна удостоверяться и подтверждаться ее интерпретируемостью (возможностью и допустимостью быть выраженной) содержаниями других форм:

- более конкретных, т.е. более "низкого" (по иерархии) уровня форм;
- форм абстрактных, истинность которых подтверждена ранее и не вызывает сомнений, –

что и свидетельствовало бы о преемственности содержаний всех этих форм разных уровней, а, следовательно, и об их *объективности*.

Здесь же уместно вернуться к критерию истинности, предложенному А.Пуанкаре (см. §3). Разбирая детально высказывание французского ученого, можно видеть, что с его точки зрения "внутренняя гармония мира" и есть объективная содержательность, обуславливающая истинность этого (реального) мира.

Может ли гармония мира быть проявлением его содержательности? Очевидно, может, как и красота. Дело остается лишь за малым, – решить, как оценивать эту содержательность (т.е. внутреннюю гармонию мира или реальности), в каких условных единицах или эталонах следует ее выражать, чтобы выявить наивысшую степень (уровень) этой содержательности, которая и будет отвечать *истинной* форме реальности.

И при всем этом оценка *содержательности* исследуемой формы (*внутренней гармонии мира* – по А.Пуанкаре) должна вестись, как и было отмечено выше, в полном соответствии с технологией интерпретирования (т.е. установлением допустимости и полноты замещения содержания исследуемой формы содержаниями возможно большего числа форм конкретных, а также форм абстрактных, истинность которых подтверждена ранее и не вызывает сомнений).

Ввиду особой важности рассматриваемого вопроса воспроизведем еще раз обоснование выше выдвинутого критерия истины (истинности форм реальности).

Поскольку множество словарей, в том числе и философских, истолковывают *критерий* как *признак*, на основании которого производится оценка чего-либо [16, с.130; 17, с.664], и по которому можно определить истинность или ложность суждения [21], а также, как "*отличительный знак*, при помощи которого мы можем ее (истину) узнать" [6], то со всей уверенностью можно сказать, что таким признаком или показателем в случае оценки истинности форм (т.е. в процессе поиска и установления истины) является уж **никак не практика**.

Вот, например, что сообщается в "Энциклопедическом словаре" Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона [21]: "Формальным критерием истины служат логические законы: всё, что не включает в себе внутреннего

противоречия, логически возможно, но для того, чтобы быть истинным, оно должно соответствовать и материальному критерию, т. е. и **фактическому содержанию** мысли". Как видим, в конечном счете, и здесь в качестве критерия истинности форм выдвигается их фактическая (объективная) **содержательность**, что отнюдь не расходится с нашими представлениями и нашей позицией. Ведь на наиболее корректный и уместный в данной связи вопрос, – по какому однотипному признаку или показателю следует оценивать истинность абстрактных форм, какое качество или свойство абстрактной формы подлежит оценке для выявления и удостоверения ее истинности, – ответ напрашивается следующий: разные формы можно корректно сравнивать, сопоставлять, оценивать лишь по признаку, присущему любой и всякой форме, и именуемому *содержательностью* (т.е. по полноте или наполненности формы содержанием). Наиболее истинна, подлинна и действительна форма, обладающая наивысшей содержательностью на данный момент ее (формы) развития; менее содержательная форма – и менее истинна, и менее достоверна, и менее действительна, и менее действительна.

Наполненность абстрактной формы внутренним содержанием оценивается, устанавливается, проверяется по внешним проявлениям формы, таким, скажем, как красота, рациональность, простота, очевидность, лаконичность и пр. А вот как, каким образом, путем, способом, с помощью какой процедуры выполняется такая оценка – это уже вопрос технологии. Под практикой подразумевается процедура оценки истинности абстрактных форм, связанная с определением возможности и допустимости замещения содержания абстрактной формы содержаниями форм конкретных, а, именно, содержаниями предметных форм, опосредованных формами ощущений. С высот сегодняшнего дня эта процедура несколько "узковата", чтобы охватывать собой весь широчайший спектр областей деятельности современных исследователей. Поэтому, для оценки истинности форм во всех областях деятельности современного человека применяется процедура, именуемая интерпретированием.

Технология интерпретирования связана с определением возможности и допустимости как можно более полного замещения содержания абстрактной формы не только содержаниями форм ощущений и предметных форм, опосредованных человеческими ощущениями (как в случае процедуры практики), но и содержаниями таких абстрактных форм-продуктов мышления, истинность которых предварительно проверена и многократно подтверждена в ходе предыдущей деятельности человека (речь идет о практических примерах, эмпирических данных, фактическом материале, формульных выражениях и выкладках, схемах, моделях, теориях, учениях, аксиомах, постулатах и т.д., и т.п., истинность и действительность которых не вызывает сомнения, прежде всего, в научных кругах или в среде ученой общественности). В такой связи процедура практики оказывается частным случаем технологии интерпретирования; т.е. практика также относится к технологии интерпретирования, но с той лишь разницей, что здесь процедура оценки истинности форм осуществляется замещением (возможно, мысленным) содержаниями абстрактных форм содержаниями, главным образом, таких конкретных форм, как формы предметности, опосредованные формами ощущений.

Подчеркнем, таким образом, еще раз, что не практика или, в общем случае, технология интерпретирования служат критериями истинности абстрактных форм, а такой вездесущий компонент или составляющая всех форм, как их внутренняя содержательность (наполненность или степень наполненности содержанием). Процедура же практики или технология интерпретирования позволяют лишь **оценить** наличие и полноту (т.е. "количество")

содержательности (а, значит, и степень или уровень истинности) исследуемых форм. И теперь, на основании понимания **существа** критерия истинности форм, появляется возможность **осмысленно** разрабатывать его (критерия) численные эталоны, – строить, скажем, шкалы, диаграммы, номограммы, рейтинговые системы и пр. для **численной (количественной) оценки**, во-первых, *содержательности*, и, во-вторых, *истинности* всевозможных форм.

Критерий оценки истинности формы – это ее содержательность, а уровень истинности или подлинности формы определяется полнотой содержания или "количеством" этой самой содержательности. Отсюда, истина – это форма наивысшей содержательности или максимально достижимой полноты содержания на всякий определенный момент развития этой формы. Любая форма наивысшей содержательности (т.е. форма максимально наполненная содержанием) на всякий данный момент ее (формы) развития и есть форма **истинная**. В таком контексте легко понимается, что по своей сути, **абсолютная истина** – это итерационный процесс бесконечных приближений к исчерпывающему (окончательному и полному) выражению *объективного содержания* развивающейся реальности разнообразными ее (реальности) формами наивысшей содержательности.

Если практика (как процедура, как технология, как способ, как процесс и пр.), **ошибочно** выступающая доселе в роли критерия истины, не поддается количественной оценке и, потому, не может служить информативным критерием при установлении истинности форм, то содержательность форм – это такой признак или показатель, который органически, естественным образом пригоден и приспособлен для подобной оценки.

Кто-то, наверняка, скажет, что за чушь здесь несется – как можно мерить содержательность, и, тем более, истинность чего-либо? Ответ простой: человек испокон веков только тем и занимается, что оценивает и меряет содержательность всевозможных форм реальности. Отныне будет делать это более осмысленно.

В каждой сфере человеческой деятельности существуют свои рейтинговые системы, шкалы, графики, таблицы, диаграммы, номограммы и т.д., и т.п. для оценки содержательности разнообразных форм. Метрическая система мер, системы СИ, СГС и пр. с их условными единицами и эталонами (килограммами, метрами, секундами и т.д.), денежная система, виртуальная система Bitcoin (или нечто подобное криптовалютное, приходящее на смену и как продолжение денег), индексы IQ, Хирша, РИНЦ и др. (как попытки выражения в условных единицах уровня интеллекта человека), гуманистические системы оценки духовности (как попытки оценки в условных единицах духовного потенциала человека) – все это примеры рейтинговых систем, позволяющих оценивать *содержательность* всевозможных форм реальности, обретающихся на разных ее уровнях и в разных областях. "Количество" измеренной содержательности форм и отвечает разным приближениям этих форм к абсолютной истине или к форме "исчерпывающего" выражения *объективного содержания* реальности (в той или иной ее области).

Человек, как одна из множества форм многоуровневой реальности, в свою очередь, представляет собой многоуровневое образование. Но с давних времен и до сих пор содержательность человека определяется, в основном, уровнем материальных накоплений, присутствующим и, к сожалению, доминирующим (пока) среди прочих уровней в их иерархической совокупности. Деньги при этом и есть количественная мера содержательности этой доминанты (т.е. доминирующего уровня в составе совокупности всех прочих уровней человека), почему они и занимают особое место и являются наиболее распространенной

рейтинговой системой среди прочих систем и шкал количественной оценки содержательности форм. Будучи, однако, мерой содержательности, главным образом, "приземленных" материальных уровней и подуровней в составе многоуровневой формы человека, рейтинговая денежная система, в силу указанного обстоятельства, не так уж универсальна, как кажется, и "бессильна" в отношении оценки, скажем, духовной и иных вершинных сфер и уровней "обретания" истинной содержательности человеческого "Я". Духовность или нравственность, будучи совокупностью глубинных человеческих чувств, опосредованных человеческим же мышлением (сознанием), вообще плохо поддается количественной оценке с использованием существующих "приземленных" эталонов. Для оценки духовного потенциала человека требуется особая филигранно-утонченная шкала.

Деньги – это примитивный "измеритель" объемов содержания или потенциала форм, главным образом, вещественно-предметного уровня (а не некий "всеобщий эквивалент"; неверные или устаревшие базовые представления иногда серьезно препятствуют пониманию существа проблемы), за "монументальным" фасадом которого скрывается незамысловатая суть этой "прокладки" как еще одного лишнего промежуточного элемента (подобного понятиям "отражение" или "копия" в известных гносеологических теориях), надобность в котором упадет по мере совершенствования организации общественного устройства.

Подобно тому, как весы, часы, разного рода счетчики (электрические, газовые, водяные) и другие счетные устройства служат простыми измерителями объемов содержания или **содержательного ресурса** тех или иных форм разных уровней (электроэнергии, тепла, воды, газа, нефти, воздуха, времени и т.д.), деньги – это также "механический" измеритель содержательного потенциала всевозможных форм-уровней, оцениваемого, опять же, замещением содержаний, как конкретных, так и абстрактных форм содержанием весьма конкретной вещественной формы. Иными словами, деньги – это, то же самое, тривиальная (с претензией на универсальность) рейтинговая система для измерения "количества" содержательности форм.

Как известно, всякое движение вперед заключается в том, что делается шаг от достигнутого, и все перспективные формы (такие, скажем, как планы, проекты, программы и пр.), прежде чем получить одобрение на их воплощение и применение, проверяются путем замены (хотя бы, мысленной) формами существующими (достигнутыми) и уже применяющимися человеком. Если содержания исследуемых (проверяемых) форм могут быть замещены (как можно более полно) содержаниями уже использующихся форм (т.е. форм, наделенных *объективным содержанием* – форм истинных), то делается заключение и о достаточной содержательности исследуемых форм, и о пригодности их для дальнейшего применения.

"Успех человеческой практики", считают марксисты, доказывает соответствие представлений человека "с объективной природой вещей", которые он воспринимает [11, с.134-135]. Речь здесь идет о соответствии содержания продуктов человеческого мышления (тех или иных абстрактных субъективно-идеальных конструкций и построений) содержанию предметного мира, т.е. об истинности продуцируемых человеческим мышлением абстрактных форм, – что для человека, как субъекта познания, наиболее интересно, ценно и важно *в первую очередь*. Условием "успеха" применения, а, значит, и признаком (критерием) истинности абстрактной формы-продукта мышления будет соответствие ее содержания содержанию формы предметности, или, иными словами, – возможность и допустимость *как можно более полного* замещения

содержания абстрактной формы мышления содержанием предметных форм, опосредованных формами ощущений. В конечном же итоге, наличие *объективного содержания* в исследуемой абстрактной форме – вот критерий истинности этой формы, а, значит, и "успеха" ее применения на практике. Как видим, ни "человеческая практика", ни "успех" не являются ключевыми словами в вышеприведенном утверждении; определяющим фактором успеха практического применения или *истинности* той или иной абстрактной формы оказывается ее *объективная содержательность*.

Итак, по части признания особенной роли и значения практики в оценочном процессе установления истины – не имеется никаких возражений, с той лишь разницей, однако, что практика в этом случае не является критерием истинности или успеха применения исследуемых абстрактных конструкций, а служит лишь приемом или способом такой оценки. Подлинным же критерием истины или успеха применения абстрактных форм оказывается содержательность проверяемых форм, а точнее, "количество" этой содержательности, на основании чего становится возможным, наконец, **осознанно** оценивать *истинность* исследуемых форм **количественно**, т.е. числом или "цифрой".

Если смысл практики сводится к оценке возможности и допустимости замещения содержания абстрактных форм содержаниями форм, в основном, предметных (а, точнее, содержаниями форм ощущений), то технология интерпретирования представлена более расширенным набором средств и приемов установления и проверки истинности абстрактных форм: и формами ощущений, и уже проверенными, одобренными и признанными (утвержденными) в их истинности абстрактными формами разных уровней и конструкций. Разноуровневые абстракции с установленной и подтвержденной истинностью – это также ступеньки "восхождения" сути или *объективного содержания* реальности.

В прежние времена обращение к процедуре практики было достаточным; сегодня же эта процедура должна быть расширена путем *сознательного* включения в ее оценочный арсенал набора современных и более эффективных средств – иначе человек, полагаясь на ложные или неумело и ошибочно избранные ориентиры ("неистинные" истины), рискует утратить адекватность восприятия мира и исчезнуть как вид или определенная форма-уровень реальности.

Общеизвестное выражение (прототипы которого с большой вероятностью обретаются в трудах Г.В.Ф.Гегеля): "Истина всегда конкретна", – совершенно верно с той точки зрения, что истина на всякий данный момент, это всего лишь *конкретная ограниченная форма* очередного приближения ко всеобъемлющему выражению движущегося, развивающегося содержания (как эквивалента "извлекаемой" из глубины абстрактной сути) реальности. Кроме того, истинность содержаний (т.е. полнота или "количество" содержательности) исследуемых абстрактных форм-продуктов мышления (понятий, суждений, проектов, теорий, концепций, философских систем, учений и т.д.) устанавливается допустимостью интерпретирования и числом интерпретаций этих исследуемых форм *известными точечными конечными* примерами: фактическим материалом, результатами предметно-практической и теоретической деятельности, а также уже проверенными и подтвержденными абстрактными формами. В таком разрезе легко понимается, что все перспективные формы, претендующие на обретение статуса форм истинных, также впоследствии окажутся *конкретными относительными* истинами в силу *интерпретирования* их *конкретными конечными* примерами-результатами предшествующей практической и теоретической деятельности в процессе установления их истинности.

"Успех" существования (т.е. истинность, действительность, дееспособность) любой реальной формы определяется ее *содержательным ресурсом* или, опять же, "количеством" ее содержательности. Содержательный ресурс, в свою очередь, складывается из множества составляющих; для такой формы как, например, государство это, отнюдь, не только развитая экономика, но и интеллектуально-духовный потенциал населения, запасы природных ресурсов и оборонный потенциал, самодостаточность, высокая адаптивность населения к изменяющимся условиям при сохранении адекватности мышления и т.д. Применительно, скажем, к живым формам – это и выносливость организма, и его живучесть, и энерговооруженность или энергетический потенциал, и продолжительность жизни (без потери качества), и адекватная реакция на воздействия и способность адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды, и, опять же, самодостаточность и пр.

Хорошо-плохо, лучше-хуже, выше-ниже, широко-узко, много-мало, больше-меньше, глубоко-мелко, полезно-вредно – происхождение и широкое употребление этих и множества подобных пар сравнений также обусловлено потребностью в оценке полноты содержательности или содержательного ресурса всевозможных форм реальности, в основном, на бытовом уровне.

Аналогичным образом успех действий или успешность деятельности человека определяется *содержательным ресурсом* формы человека (в общем случае – человечества) и его мышления.

Любая форма-уровень живет или существует, *обогащаясь* естественным образом, до тех пор, пока какая-либо из подформ-подуровней, входящих в состав целой совокупности подформ-подуровней формы, не выразит собой максимально достижимую для этой подформы-подуровня содержательность. С наступлением момента выраженности максимальной содержательности какой-то подформой-подуровнем в составе существующей формы (что отвечает достижению пика активности всей формы) начинает преобладать прогрессирующий отъем ее содержания соседствующими формами-уровнями. По этой причине форма стагнирует и регрессирует, будучи "растаскиваемой" по частям и ассимилируемой другими более активными формами-уровнями вследствие жесточайшей между ними конкуренции и неиссякаемого "спроса" на содержательность. Всякую "зазевавшуюся" форму, остановившуюся в наращивании своего содержания (содержательного потенциала) и притормозившую развитие, конкуренты тут же растаскивают на составляющие, пополняя тем самым запасы своей содержательности соответственно вездесущему *принципу саморазвития*. Границы, ресурс, качество всякой формы обуславливаются накопленным в ней объемом содержания.

Всем формам-уровням приходится доказывать свою *состоятельность* (т.е. способность наращивать и приумножать свой потенциал-содержательность) в жесткой конкурентной борьбе. Человек – не исключение, а образец типичной формы, подчиняющейся действию универсального "механизма" развития реальности – *принципа саморазвития*.

Само существование любой формы имеет место лишь благодаря наращиванию и сохранению темпов роста ее содержательности, а сам факт ее существования свидетельствует о наличии в ней достаточного объема содержательности. С другой стороны, наивысшая содержательность того или иного уровня демонстрируется, подтверждается и удостоверяется устойчивостью его формы.

Таким образом, "успех" или длительность стабильного существования формы является следствием и показателем присутствия в этой форме достаточного объема *содержательности*, и эта подлежащая оценке

содержательность (всевозрастающей степени абстрактности) форм должна быть увязана с конкретностью предшествующих форм, т.е. допускать интерпретирование предшествующими конкретными формами-уровнями.

Какие преимущества сулит такое, казалось бы, несущественное уточнение, касающееся выдвижения и обоснования *корректного* и *подлинного* критерия истины?

В "обличии" вновь выдвигаемого критерия исследователь получает в свое распоряжение эффективный инструмент для осуществления **осознанной** сравнительной *количественной* оценки *содержательности* (а, значит, и *истинности*) разнообразных форм и, соответственно, выстраивания их по ранжиру. И уже на этом основании открывается возможность принимать более грамотные и взвешенные решения относительно определения направления дальнейших исследований реальности с опорой на осмысленно отобранные **истинные** ее формы.

§ 13. Технология интерпретирования как универсальный способ оценки содержательности форм.

Разберем детальнее технологию интерпретирования, применяемую при оценке и установлении содержательности и истинности исследуемых форм.

Как уже было выяснено выше (см. §9), интерпретировать – означает выразить нечто абстрактное и недостаточно определенное через основательное, определенное и конкретное; перевести непонятное на язык понятного; представить новое и необычное посредством известного и привычного. Аналогичным образом, истолковать понятие или дать определение – это, значит, выразить частное через более общее, или, говоря словами В.И.Ленина, "это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое" [11, с.142]. В указанных случаях одно выражается через другое: нечто, еще только складывающееся неясное и расплывчатое – через устоявшееся и определенное предшествующее. В этом смысле, *технология интерпретирования* укладывается в русло *принципа саморазвития* (и этому принципу подчиняется), определяющего и предписывающего единую направленность развития всем реальным процессам.

Иными словами, интерпретирование – это и разъяснение (истолкование) абстрактных построений путем обращения к содержанию конкретных форм; это и выражение иррационального через рациональное; это и присвоение конкретных смысловых значений абстрактным элементам: образам, понятиям, суждениям, выражениям, выкладкам, схемам, формулам, символам и т.д.

Все научные приемы установления истины, включая объяснение и прогнозирование результатов исследований (в числе которых оказываются: моделирование процессов, воспроизведение реальных ситуаций, симуляция поведения, предвосхищение последствий и пр.) относятся, так или иначе, к *технологии* (методу, способу, процедуре) *интерпретирования*.

Наиболее ходовой и распространенный способ подтверждения содержательности абстрактных форм – это интерпретация этих форм привычными и принятыми (принимаемыми разумом, обыденным сознанием или, так называемым, здравым смыслом) частностями и конкретностями.

Обращение к фактам, примерам, эмпирическим данным, апробированным результатам теоретической деятельности с целью выражения содержаний исследуемых абстрактных форм содержаниями форм более конкретных есть интерпретирование абстрактного конкретным (такая практика применяется в

отношении всех субъективно-идеальных форм из разных сфер человеческой деятельности, а не только продуктов и результатов теоретических исследований).

Способность или *пригодность* абстрактной формы к интерпретированию другими более конкретными формами (т.е. интерпретируемость абстрактной формы) отнюдь не говорит еще и не свидетельствует о достаточной содержательности этой формы, но, тем не менее, – это первое обязательное условие на пути освидетельствования истинности той или иной формы. Второе обязательное условие при установлении истинности формы – определение *полноты* ее содержательности и, следовательно, уровня ее истинности в зависимости от "количества" этой содержательности, обуславливаемой числом (и как можно большим) интерпретаций содержания исследуемой формы содержаниями форм более конкретных.

По признанию и заключению самих марксистов, принятый ими в теории познания критерий истины, отстроенный на основе практики, в какой-то мере неопределенен, т.е. не является исчерпывающим (необходимым и достаточным). Но дело-то здесь совсем не в совершенстве-несовершенстве процедуры (практики) как критерия; неопределенность всякого из возможных критериев истины в любом случае обусловлена тем, что, во-первых, ни одна из исследуемых (проверяемых на истинность) реальных форм не может быть содержательно исчерпывающей или **абсолютно** содержательной, и, во-вторых, наивысшая содержательность ни одной из форм не может быть подтверждена **бесконечным** числом интерпретаций. Тут в силу вступает принцип разумной достаточности, на который и следует ориентироваться на практике при установлении истины с использованием технологии интерпретирования.

К процессу познания это же самое относится в первую очередь. В порядке убывания степени конкретности и возрастания абстрактности форм, доверие к методу интерпретирования, как процедуре или технологии оценки содержательности форм, распределяется следующим образом: сначала отдается предпочтение замещающим формам "эмпирического опыта", затем практическим примерам и фактическому материалу и, далее, уже заблаговременно проверенным, принятым и утвержденным в качестве истинных, – абстрактным (теоретическим) построениям и конструкциям.

Почему фактический, конкретный материал предметного мира (т.е. форма предметности) доминирует по отношению к надстроечным, абстрактным субъективно-идеальным формам? Во-первых, этот уровень развития форм исторически первичен; предметные формы и формы ощущений относятся к сфере, так называемого, повседневного "эмпирического опыта" человека. Ведь даже ходим и бегаем по земле мы вовсе не только и не столько благодаря уму или интеллекту, не вследствие наличия абстрактного мышления и его потенциальной готовности к конструированию и постижению абстрактных схем и моделей, а, в первую очередь, в силу присутствия в общей связке или совокупности форм "человеческой" природы более ранних по времени возникновения основообразующих форм-уровней, – именно тех форм, которые определяются как "живые", но пока еще без сопутствующих приставок: мыслящие, одушевленные, высокоорганизованные, интеллектуальные, духовные и т.п. Во-вторых, в процессе познавательной деятельности человека все неизвестное и неизведанное всегда выражается через уже известное и постигнутое. И, поскольку общий процесс развития (как и специфическая его форма весьма определенного уровня – познание) представляет собой бесконечное движение содержательной составляющей через все более и более содержательные формы-уровни, характерные своей уникальностью, неповторимостью и необратимостью, – легко осознается, что **единственно** возможный способ (процедура, алгоритм или

технология) реализации такого движения-развития, равно как и познания – это "делание себя из себя же при этом изменяющегося", с опорой на достигнутое и с *непрерывным* использованием содержаний форм предшествующих уровней.

Отсюда, в силу стремления ко все более содержательно емким абстрактным формам, естественным образом складывается и иерархичность форм-уровней, проявляющаяся через их разветвляющуюся совокупность (от форм предметных к формам мышления). И все это многообразие определяется однонаправленностью движения-развития (см. формулировку *принципа саморазвития*, §7). В этом и заключается смысл движения в сторону необратимой "выси": новое содержание вырастает из имеющегося, из накопленного, из уже достигнутого путем "делания себя из себя же", и, одновременно, оказывается от себя отличающимся. [Даже простое внешнее сопоставление показывает, что технология интерпретирования, как непреложный элемент познания изменяющейся реальности, оказывается воплощением того же универсального *принципа саморазвития*].

И снова обратимся к выверенной системе взглядов диалектического материализма.

"Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом" [12, с.172], – эти известные слова В.И.Ленина дают недвусмысленное представление о том, каким длительным путем (в ходе повседневных наблюдений и рутинных действий, способствующих накоплению "эмпирического опыта") складываются **истинные** абстрактные логические конструкции, наполненные конкретным содержательным смыслом (речь идет об исходных формах ощущений и мышления). Становясь все более *содержательными*, упомянутые логические фигуры со временем сами могут служить основаниями или аксиоматической основой, а также ориентирами и индикаторами направленности последующей деятельности человека, как практической, так и теоретической. Таким нехитрым тривиальным способом строится многоуровневая реальность.

Здесь хотелось бы непременно отметить, что момент *латентного содержательного формообразования* вскрыт нашим величайшим отечественным диалектиком В.И.Лениным настолько мастерски и передан такой филигранно-точной формулировкой, что чего-либо отнять или добавить к ней уже не получится, как бы ни хотелось.

Таким образом, все более абстрагирующаяся по ходу развития реальности содержательность ее форм указывает, в то же время, и перспективное направление изменчивости форм представления этой реальности. Максимально достижимая (наивысшая) содержательность – вот путеводная звезда для всех изменяющихся форм на всевозможных уровнях развития. Разные логические фигуры, о которых говорит В.И.Ленин, есть не что иное, как трудовые навыки, привычки, обычаи, традиции, обряды, принципы, убеждения, идеалы, предпочтения, культурные коды, ценности, правила и законы поведения людей, складывавшиеся в различных человеческих сообществах на протяжении тысячелетий. Это те абстрактные построения и конструкции, которые, будучи наполненными содержательным смыслом, ведут по жизни от рождения до смерти, как отдельного индивидуума, так и многочисленные их группирования, не давая сбиваться с пути – с дороги, по сути своей, праведной и истинной, с курсом на обретение наивысшей содержательности человеческими формами, следующими этой дорогой.

Поскольку чувственное в многоуровневой человеческой природе берет верх над "сверхчувственным" (мыслительным), постольку уровень мышления

(сознания) пытается естественным и наиболее очевидным, примитивным образом (большей частью, "механическим" путем) все содержательное (особенно, абстрактного толка) **рационализировать**, т.е. выразить через вполне конкретные формы ощущений, которые оказываются для человеческого сознания ближе, "роднее" и понятнее (основательнее) всех других форм. Технология интерпретирования – это универсальный способ оценки содержательности всевозможных форм реальности, но поскольку в нашем кластере реальности первородными основообразующими формами являются формы предметные, вещественные, материальные, то и в расчет, в первую очередь, принимаются, и упор большей частью делается на эти фундаментальные "приземленные" уровни-формы.

Чтобы установить истинность, достоверность, подлинность, действительность той или иной абстрактной формы, надо выявить и "извлечь" из сопоставляемых абстрактных и конкретных форм общее ("как единое во многом или подобие многого" [18, с.351]) для них содержание.

Подтверждение содержательности теории, концепции или любой другой абстрактной формы обеспечивается реализацией процедуры сопоставления содержаний разных конкретных форм с содержанием абстрактной формы с целью выявления общих или совпадающих "долей" содержаний сопоставляемых форм и установления, тем самым, возможности замены (замещения) содержания абстрактной формы содержаниями форм конкретных.

В качестве общего содержания всех сопоставляемых форм может оказаться какой-то единый универсальный принцип, "механизм", постулат или алгоритм, общий для всех форм, задействованных в указанной процедуре. При приблизительном совпадении содержаний форм ощущений и абстрактных форм мышления делается заключение о содержательности именно абстрактной формы (так как наиболее интересен для человека момент как можно большей совпадаемости и преемственности содержаний абстрактной и предметно-чувственной форм). В противном случае (без осуществления проверки возможности замены содержаний указанных форм), давая волю своим субъективным абстрактным фантазиям, можно нафантазировать бог знает чего. Поэтому издавна человек занят поиском критериев для определения истинности, в первую очередь, субъективных абстрактных построений и конструкций.

Неадекватное восприятие мира, обусловленное абстрактными придумками, ложными посылами и выводами, может принести и приносит, в конце концов, вред человеку и человечеству. По этой причине человек должен уделять повышенное внимание оценке и проверке на содержательность и достоверность всех без исключения абстрактных форм, продуцируемых в его голове, всех человеческих предположений, гипотез, выдумок, творческих идей и фантазий (в том числе, и особенно, публикаций в СМИ, см. §17). Неаккуратность и халатность в этом отношении, излишняя доверчивость к непроверенным измышлениям приносит человеку, как и всему человечеству в целом, неизмеримо больше вреда, чем пользы от сиюминутной выгоды, отстроенной на фундаменте ложных представлений и выводов. Неистинность абстрактных форм мышления означает их **малосодержательность** (т.е. недостаточную наполненность этих форм *объективным содержанием*), о чем и должна свидетельствовать непреемственность и несопрягаемость их с предшествующими конкретными формами ощущений и предметности. Таким образом, абстрактные формы как продукты человеческого мышления – это особые, специфические формы представления *то же самое объективного содержания* реальности на очередном определенном этапе движения-развития этой самой реальности.

Установление истинного знания о предмете эквивалентно процедуре мысленного выделения и "извлечения" *объективного содержания* из предметной формы и соотнесения его с трансформированными содержаниями более абстрагированных форм других уровней, а именно: формы ощущений и формы мышления.

Само собой разумеется, что после трансформации в другие формы и представления в других формах других уровней, это предметное объективное содержание не остается себе тождественным или равным содержанию форм-носителей предметности, – иначе оно не меняло бы свою форму. Сопутствующие таким трансформациям изменения содержаний упомянутой цепочки форм и представляют собой особенности или изюминки тех форм, в которые трансформируется объективное содержание по мере своего движения-развития или "восхождения" от форм предметных. Всякая последующая форма указанной цепочки включает в себя в "свернутом", спрессованном виде содержания форм предшествующих и еще нечто особенное, от них отличное – некий "довесок" новизны и неповторимости.

Предметная форма – это источник и предтеча человеческих ощущений. Однако сопоставить содержание этой формы с содержанием формы мышления не представляется возможным, так как содержание формы предметности не проявимо вне формы ощущений. Следовательно, сопоставлять и сравнивать корректно остается всегда лишь содержания форм мышления и форм ощущений. Форма мышления должна проверяться на возможность и допустимость замены (замещения) ее содержания проверенным объективным содержанием формы ощущений. Тогда форма мышления претендует на наличие в ней то же самое *объективного содержания*. Практика, охватывая все многообразие предметной деятельности человека, включая и теоретические приемы апробирования знания, является процедурой проверки возможности замены (замещения) содержаний абстрактных форм содержаниями форм конкретных любого достоинства и, в частности, и, прежде всего, содержанием формы ощущений. Однако практика не охватывает такие виды проверки и установления содержательности абстрактных форм, как замещение (замену) их формами также абстрактными, но других уровней или другими, уже проверенными абстракциями с подтвержденной истинностью. Такую задачу решает процедура более развернутого характера, именуемая интерпретированием. С учетом этого обстоятельства имеем в своем распоряжении полный набор инструментов или процедур установления и проверки содержательности разного рода и уровня (этажности) абстрактных построений и конструкций.

Как это становится все явственнее, интересна не сама по себе истинность абстрактной формы (что, похоже, не является конечной целью человеческих исследований и изысканий), а способность содержания этой формы быть выраженным наиболее полно посредством содержаний более привычных для человека форм предметности, опосредованных формами ощущений, и пригодность этого содержания для дальнейшего "употребления". Если таковое наблюдается, то найденная абстрактная форма, раздвигающая для человека горизонты восприятия и понимания реальности, встраивается в общую совокупность форм, пополняя тем самым содержательные накопления этой совокупности и способствуя прогрессирующему познанию реальности, "нащупывающей" *одновременно* посредством человека и его мышления наиболее *оптимальный* содержательный путь своего же дальнейшего развития.

Критерий истинности форм – их содержательность. Истинность форм оценивается по наличию и "количеству" этого компонента. Статус истинной получает или обретает форма, обладающая наивысшей содержательностью из

возможной и достижимой на данном определенном этапе развития реальности. Оценка полноты, объема или "количества" содержательности той или иной формы выполняется посредством процедуры интерпретирования (выражения или замещения, порой мысленного, содержания исследуемой формы содержаниями форм более конкретных). Объем, количество, достоверность фактического материала, да и вообще конкретных форм, участвующих в оценочной процедуре, и будет определять, в конечном итоге, *полноту содержательности*, а, значит, и истинность исследуемой формы.

Только те вновь образующиеся формы "наслаиваются" и "удерживаются" на вершине пирамиды форм реальности, которые несут в себе содержание, сопрягающееся с объективными содержаниями форм (составляющих основание пирамиды) и продолжающее собой цепочку их объективных содержаний. Пирамида реальности обретает устойчивость, если надстраивается формами, "начиненными" *объективным содержанием*.

Замена абстрактных форм более конкретными формами (а точнее, замена содержаний абстрактных форм содержаниями форм более конкретных) отвечает процедуре наполнения абстрактных форм смыслами или надления их *объективным содержанием*.

Возвращением к "себе самому на новом уровне" осуществляется постоянное уточнение содержания все более абстрагирующейся вершинной формы пирамиды путем соотнесения с объективным содержанием многоуровневой основы этой же пирамиды.

Оценка содержательности теоретического знания практикой эквивалентна процедуре представления содержания абстрактных форм заменяемыми содержаниями конкретных предметных форм, опосредованных формами чувственности, ощущений, эмпирического опыта.

Истинность или достоверность абстрактных субъективно-идеальных форм (т.е. знания: аксиом, постулатов, утверждений, суждений, представлений, теорий, концепций, учений, парадигм и т.д.), претендующих на статус носителей *объективного содержания*, доказываются не практикой, а "количеством" или объемом содержательности этих обобщающих форм. Процедурами же практики или интерпретирования устанавливаются наличие и "количество" содержательности исследуемых форм. Наличие содержательности форм определяется возможностью и допустимостью их интерпретирования фактическим материалом или конкретными примерами, а "количество" содержательности оценивается числом таких интерпретаций. Чем больше число известных конкретных примеров, интерпретирующих исследуемую субъективно-идеальную абстрактную форму, тем с большим основанием эта форма может претендовать на статус носителя *объективного содержания*.

Иными словами, процесс поиска и установления истины сводится к процедуре максимально полного выражения непознанного иррационального через познанное рациональное (т.е. неизвестного через известное) и возвращения, тем самым, к своим рациональным истокам или основам, но уже на новом уровне – с примесью чего-то особенного, как дополненного рационального.

Таким образом, критерием истины является не сама по себе практика (предметно-практическая и теоретическая деятельность субъекта с ее результатами), а наличие и полнота объективного содержания в исследуемых формах, что и устанавливается с помощью процедуры практики или технологии интерпретирования.

Корректно сгенерированные и воспроизведенные мышлением абстрактные формы оказываются более содержательными, поскольку включают в себя в

"снятом" или "свернутом" (т.е. компактном, концентрированном) виде сведения или содержательные объемы целого множества конкретных форм.

Присутствие некоего общего в частностях и конкретностях должно подтверждаться как можно большим числом таких частностей и конкретностей. Если это условие выполняется, то "извлеченное" общее обретает *статус объективного содержания*.

Ведь, что на самом деле представляет собой некая теория или концепция, или какой-то основополагающий принцип, который требует либо подтверждения и принятия, либо опровержения? Это – нечто общее (которое кому-то удалось "подсмотреть" или подметить случайно или преднамеренно), корректно "извлеченное" из некоторого числа частностей и конкретностей, и концентрированно представленное в виде обобщенной абстрактной теории (модели) для *объяснения* и постижения сущности еще большего числа частностей и конкретностей (как существующих, так и предполагаемых), а также – для *прогнозирования* и предвосхищения возникновения новых форм реальности на основании знания об этом сконцентрированном общем.

Истинная концепция или теория – это *объективное содержание*, выделенное или "извлеченное" из некоторого числа (а, точнее, из множества) частных и конкретных форм предметного мира, и преобразованное в обобщенное *объективное содержание* некой абстрактной формы. Истинность или достоверность такой концепции доказывается наличием в ней объективного содержания, допускающего интерпретирование (т.е. замещение, хотя бы мысленное) его содержаниями частных и конкретных форм (примерами, фактами). Если некое абстрактно-общее, составляющее существо концепции (теории), обнаруживается в частностях и конкретностях предметного мира и, тем самым, допускает возможность интерпретирования его этими частными и конкретными формами предметного мира, то это абстрактно-общее жизнеспособно и наделено *объективным содержанием*, т.е. истинно и достоверно.

Подобный путь установления истины укладывается в единое русло общего содержательного движения (от истины "неполной" к истине все более объемлющей и содержательной), определяемого формулировкой *принципа саморазвития*. Так осуществляются и процесс познания, и процессы развития чего бы то ни было; иного пути просто не существует!

Исходя из того, что всякая *справедливая, истинная* теория (концепция, модель) интерпретируется или может быть интерпретирована фактическим материалом, допустимость и пригодность вновь выдвигаемой концепции к интерпретированию многочисленными фактами служит первым неперенным условием, требующим проверки и выполнения на пути к установлению ее достоверности или истинности (или, по крайней мере, научности). В русле данного подхода это означает, что возможность результативного интерпретирования какой-либо концепции бесконечным числом (или, по крайней мере, множеством) фактов наделяет эту концепцию статусом достоверности (истинности); иными словами, чем больше установлено корректно интерпретирующих ту или иную теорию фактов, тем достовернее (истиннее) "придуманная" или сгенерированная мышлением теория (концепция, модель).

Как уже говорилось, всякий принцип – это нечто общее, извлеченное из целого ряда частных отдельных примеров и проявлений. Успешное обратное "возвращение" общего в каждое новое отдельное конкретное частное (если таковое возможно, допустимо и достижимо) и есть способ доказательства единства и общности всего ряда частностей и конкретностей, как и способ

доказательства наличия *объективного содержания* во всех исследуемых формах (т.е. в сопоставляемых частностях и конкретностях).

Общий принцип (концепция, теория) собирает и объединяет собой отдельные частности и конкретности. Собираением воедино многих частностей определяется существо способа интерпретирования. Если интерпретирование (собираение воедино многих частностей) удастся, то найденный или извлеченный ранее общий принцип может быть признан *объективно содержательным* и представлен к интерпретированию еще большим числом частностей. Истинность принципа установлена, если этот принцип справедлив и общ в отношении какого-то наперед заданного множества частностей и конкретностей. Чем больше частностей и конкретностей объединяется общностью принципа, тем больше оснований считать его *истиной (истинным)*.

Чем полнее и масштабнее абстрактное выражается посредством конкретного, чем больше конкретностей оно охватывает и объединяет, – тем оно содержательнее, тем вернее наделено *объективным содержанием*.

Если прирастающая абстрактным содержанием форма не включает в себя содержания более конкретных форм, не выражается ими и их совокупностью в наиболее полном объеме, не замещается (хотя бы, мысленно) ими, то она не наделена *объективным содержанием*, и, следовательно, не является *истинной*.

Назначение технологии интерпретирования, по сути дела, и состоит в проверке и доказательстве наличия *объективного содержания* во всевозможных абстрактных формах.

§ 14. Дифференциация форм по объему содержательности. Объем содержательности формы как показатель приближения к выражению объективного содержания реальности.

В связи с тем, что выдвигаемый здесь критерий истины (то бишь содержательность форм) оказывается пригодным для количественной оценки форм, становится возможным выстраивать разнообразные формы по ранжиру в зависимости от полноты или "количества" их содержательности (истинности). Такой подход противостоит мифу о возможной равнозначности разных абстрактных форм (теорий, концепций, моделей, учений, планов и т.д.), в том числе, и одинаковой истинности разных точек зрения на один и тот же вопрос или предмет суждения. *Истинная* модель, оцениваемая как самое "близкое приближение" к абсолютной истине на всякий данный момент развития, – всегда одна; потому-то важно суметь такую модель *распознать*, чтобы в дальнейшем своем перспективном движении-развитии опираться именно на нее.

Как в любом наборе (в любой совокупности) форм любого уровня, точно так же на уровне субъективно-идеальных форм встречаются, по нашему мнению, формы как *менее содержательные*, так и *более содержательные* (наиболее "пригодные" к выражению максимально достижимого объема содержания на "вершинных" уровнях абстрагированных форм).

Исходя из таких представлений, ответ на вопрос – все ли абстрактные построения и конструкции, все ли суждения (точки зрения, мнения, позиции, решения, выводы, заключения и пр. относительно какого-либо предмета суждения) равноправны, равносильны, равновелики, равноценны, эквивалентны и, наконец, адекватны, – ожидаемо предсказуем и однозначен: нет и не может быть *в принципе* одинаково адекватных точек зрения на один и тот же предмет суждения, поскольку любая и каждая из них являет собой лишь *очередное приближение* к исчерпывающему выражению *объективного содержания* предмета суждения (т.е. лишь *приближение* к некой абсолютной истине). Из всех

суждений в таком случае необходимо, используя для этого наиболее комплексный критерий оценки истинности суждений, выбирать то, содержательное наполнение которого максимально и наиболее близко к выражению *объективного содержания* реальности (объективной истины). Все прочие суждения представляют собой еще более грубые и неточные приближения.

Задача выбора из двух и более точек зрения наиболее истинной или правильной на всякий момент выбора будет стоять перед человеком всегда, поскольку свобода выбора, проистекающая из неопределенности и неоднозначности хода событий и перспектив развития, с чем сталкивается и всегда будет сталкиваться субъект познания – *объективна* и обусловлена *диалектической природой* мира (развивающейся реальности). Выбор из ряда приближений наиболее "близкого приближения" к форме наивысшей содержательности – всегда будет самым ответственным и драматическим моментом в судьбах человечества и отдельных индивидов; и никогда это решение не будет простым. Можно лишь добиваться все более осмысленного стремления к увеличению *содержательности* такого решения.

В силу содержательно-форменной (диалектической) природы мира и его развития, и вытекающей отсюда невозможности повторения или *повторного воспроизведения* чего бы то ни было в деталях и мельчайших подробностях, – не бывает и не может быть даже двух (не говоря уже о множестве) равноценно истинных, одинаково равновеликих мнений, суждений или точек зрения на один и тот же предмет (вопрос, проблему). Одна из точек зрения (или суждений) всегда будет ближе к истине, чем прочие. Именно из этого надо исходить, именно этот момент надо принимать во внимание при определении истинности той или иной формы и при выборе, тем самым, ориентира и основы для дальнейших исследований и развития.

Когда применительно к той или иной концепции (теории) огульно говорят о том, что это всего лишь одна из многочисленных равнозначных точек зрения или мнений в отношении того или иного предмета познания, нужно, во-первых, быть осведомленным о *принципиальной* недостижимости равнозначности или равноценности разных точек зрения на предмет исследования и, во-вторых, помнить о необходимости следования определенным правилам или приемам (процедурам, технологии) установления истинности теоретических форм с помощью комплексного критерия их интерпретируемости (проверкой фактическим материалом, конкретными примерами, достоверными логическими построениями и конструкциями, и пр.).

Естественно, мало кто поверит лишь на слово в то, что такая-то концепция является или может стать альтернативным знанием по отношению к существующим теориям. Только предоставлением достаточного объема подтверждающего фактического материала можно убедить заинтересованную общественность (или сторону) в том, что тот или иной подход является на сегодня наиболее "близким приближением" к истинному.

Исходя из этих соображений, следует ожидать, что особый и повышенный интерес всегда будет представлять оценка "содержательностей" вышеупомянутых форм путем их сопоставления и, соответственно, определения их приоритетности путем ранжирования. Поскольку каждая из сопоставляемых и ранжируемых форм является по существу *очередным приближением* к форме наивысшей содержательности, постольку о тождественности или эквивалентности сравниваемых и ранжируемых форм не может быть и речи.

Все устоявшиеся, постигнутые и готовящиеся к постижению истины – лишь очередные приближения к исчерпывающему выражению содержания

наиболее совершенной формой, очередные приближения к истине абсолютной. Но среди этих приближений всегда есть такое, которое являет собой наиболее, на всякий данный момент, близкое к "цели" приближение. Вот его-то и надо суметь отыскать, на него-то и надо ориентироваться в своих исследованиях и при принятии решений. Это то настоящее, то действительное, то истинное, что обретает право на долговременное и устойчивое существование, – на чем и акцентирует внимание Г.В.Ф.Гегель, замечая: "Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением... В философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой... Неистинное означает... дурное, несоответствующее самому себе... Рассмотрение истины в разъясненном здесь смысле, в смысле согласия с самим собой, составляет подлинную задачу логики" [3, с.126-127].

Отыскать такую форму, которая выражала бы всю полноту содержания реальности на данный момент, т.е. найти наиболее содержательную форму, форму наивысшей содержательности, знаменующую собой тождество компонентов отношения {содержание/форма}, и, соответственно, *вырождение* последнего в нераздельную цельность – вот подлинный смысл (с позиции наших представлений), заключенный в приведенных словах Гегеля.

Истина всегда выражается формой, наиболее содержательной на всякий данный момент по сравнению со всеми прочими конкурирующими и сопутствующими формами. Полагая, что исчерпывающее выражение содержания формой возможно, допустимо и достижимо только в боге и через бога: "Только бог есть истинное соответствие понятия и реальности" [3, с.126], – Гегель интуитивно облачает содержательное движение реальности и ее содержательно-форменные трансформации в *одеяние итерационного процесса бесконечных приближений* к выражению этой самой "истины в последней инстанции" (лаконичнее Гегеля в свете его представлений об этом, пожалуй, и не скажешь).

В науке (как, впрочем, и в жизни) *объективное* (содержание) обойти без последствий невозможно; в качестве "данного от века" есть общее, фундамент, воспроизводимое основание, на которое наслаивается что-то из изменяющегося и субъективного, пока это что-то не обретает *статус дополненного и развитого объективного*.

Частности, особенности и индивидуальности все равно "танцуются от печки", отталкиваются от общего, на которое со временем и наслаиваются. Общее и *объективное* (содержание) *имеет место быть* вне всяких сомнений, и все мы вольно или невольно стремимся увидеть и явить миру это *объективное содержание* посредством разных форм. Всё, что ни есть "креативное" субъективное – это лишь разной степени приближения (разноуровневые модели, фрагменты или целостные картины), зафиксированные в своем стремлении к "полному и окончательному" выражению и постижению бесконечного содержательного движения, т.е. развития этого самого общего, основы, *объективного*. В контексте рассматриваемого материала, философия (как, впрочем, и литература, и живопись, и музыка, и т.п.) – это искусство *субъективного* видеть (обнаруживать) и проявлять *объективное* (содержание).

Настоящий подход имеет своей целью также *дать представление* о том общем, объединяющем *объективном*, которое до сих пор не "ухвачено" современными науками (последние, как в притче со слонем, каждая по отдельности видят то ноги, то хобот, то хвост, не имея возможности составить представление о целом). Без единого общего основания ни наука, ни философия не имеют шансов на ускорение или скачок в своем развитии.

§ 15. "Наворачивание" содержания как сущность принципа саморазвития.

Изложенное в предыдущих параграфах укладывается в русло концепции развития, основные положения которой и описание "механизма" изменения-движения-развития реальности содержатся в работах [2, 8, 23].

На всякий данный и произвольный момент мир уникален и неповторим (что уже отмечалось выше). Но неповторимость или уникальность изменяющихся и вновь образующихся форм реальности возможна и осуществима лишь благодаря "наворачиванию", "деланию из себя", т.е. особому специфическому характеру или способу движения-развития форм. Эта специфическая особенность развития реальности никогда не должна выпадать из поля зрения аналитиков, занимающихся теоретическими исследованиями и моделированием изменчивости окружающего мира. Под "диктатом" алгоритма *принципа саморазвития* соотношение компонентов-составляющих в известном отношении {изменение/основа} постоянно меняется, вследствие чего ежемоментно реализуется "*изменяющаяся основа*", воспроизводящаяся благодаря всё новым и новым содержательным наслоениям, – отчего и не истощается, отчего и не прекращается само развитие реальности.

Всякий момент "прожитое" становится "строительным материалом" для "настающего" настоящего, "наворачиваясь" и наслаиваясь на еще более давнее прошлое ("прожитое"). Только такой способ движения-развития, как "делание из себя", такой ход событий, подобный "наворачиванию", страхует и избавляет будущее от детальных повторений прошлого. Простым "копированием" или "отражением" не реализуется в полной мере ни один процесс; противное – из разряда заблуждений и химер. В реальности имеет место перманентное движение в сторону новизны и неповторимости на основе уникальности всего "свершающегося". *Сам характер, тип и способ* движения-саморазвития исключает повторяемость и обратимость форм.

Появление нового содержания в новых формах никак не объяснить "копированием" или "отражением" внешнего мира органами чувств (ощущениями) и мышлением познающего субъекта [11, с.125, 151]. Новое содержание возникает и реализуется в новых формах потому, что оно "наворачивается" одним слоем на другой с сопутствующими изменениями всех слоев (вследствие вбирания слоями этих изменений), и, соответственно, с отличиями содержания форм последующих от содержания предшествующих форм.

Человек, животное, растение дышит, пьет, ест, взаимодействует с внешним миром, и именно таким путем – *наслаивания изменений на основу* – осуществляется подпитка, пополнение, обновление развивающегося содержания живых форм (в том числе, субъективно-идеальных форм человеческого мышления). На самых простых вещах, на обыденных и повседневных примерах можно убеждаться в этом снова и снова. В частности, организм в состоянии сна – и есть та основа, тот фундамент, на который "монтируются", в который встраиваются изменения и новые объемы содержания, накапливаемые организмом в период его активности. На примере сна хорошо видно, что наслоения приобщаются к основе не равномерно и безостановочно, а разнообразными порциями, чередуясь с покоем, "отдыхом", паузами и т.д.

В чем видится "смысл" жизни или существования растения, животного, человека? В том, чтобы *разными уровнями* своих многоуровневых образований ассимилировать, выражать, постигать содержательные накопления в расчете (с упреждением) на последующую ассимиляцию, выражение и постижение новых, еще больших объемов *разнообразных* содержательных накоплений.

Копирование и фотографирование не дает истинных представлений о текущих процессах в многоуровневой реальности (в том числе, и на уровне самопознания). Как отражение или копирование это может восприниматься и осуществляться лишь в неподвижности, в статике, в виде частного случая всеобщего движения; в динамике же, в развитии – это всегда "наворачивание", "из себя делание"... Развитие-движение-изменение есть порождение и воплощение объективно реализующегося *принципа саморазвития*, который свидетельствует об интенсифицирующемся движении содержания на охват и постижении самого же движущегося содержания во все более и более "зародышевом" его состоянии. Таким же образом осуществляется и процесс познания как движения специфической (гносеологической) формы реальности на уровне и в терминах человеческого мышления.

Что касается вопроса о познаваемости окружающего мира, то, в конечном итоге, неизбежно потребуются прийти к пониманию того обстоятельства, что мир – это не книга и, тем более, не скала или камень-валун в своей неизменности, а нечто непрестанно "делающееся", воспроизводящееся, изменяющееся *в режиме реального времени*; и подобный вопрос в корректной постановке должен задаваться не в отношении познаваемости чего-то данного и существующего от века в своем постоянстве, а в отношении возможности *предвидения* и *предвосхищения* нарождающихся форм (в том числе, последствий, результатов, событий, конфигураций, ситуаций) развивающейся реальности.

Уровни развития зачастую нераздельны, неотделимы друг от друга оттого, что содержательная составляющая, скажем, одного уровня может в одно и то же время (во взаимосвязи) оказываться форменной составляющей для другого уровня, и, наоборот. А, также, оттого, что содержательная составляющая одного уровня непременно представляет собой новое отношение {содержание/форма} для другого уровня. То же самое следует сказать и про любую форменную составляющую. Но главное препятствие на пути ясного понимания хода процесса развития и точных его формулировок состоит в том, что природная граница между компонентами-составляющими "содержание" и "форма" в их отношении трудноразличима, а, порой, и просто не воспринимается (до поры до времени). Таким образом, вращение уровней-форм друг в друга и произрастание их один из другого, и есть причина невозможности выделения их в "чистом" виде, а также запутанности процессов и сложности выражения (объяснения) неизведанного и, в каком-то смысле, иррационального – через постигнутое рациональное.

В подобной связи всегда надо учитывать двойственную природу мира, и особенно в случаях, когда дело касается разбирательства и исследования запутанных (а, потому-то, сложных) вопросов. Эта мысль далеко не нова, просто мы об этом часто забываем. А чтобы выйти на верное решение фундаментальных проблем без диалектического подхода уже никак не обойтись.

Стремление выразить новое абстрактное содержание через предшествующие более конкретные формы в силу эффекта наворачивания содержания, описываемого и обуславливаемого (речь идет об эффекте наворачивания) формулировкой *принципа саморазвития*, приводит к поиску новой формы для нового содержания, являющейся продолжением всех имеющихся в связке, в совокупности прочих содержательных форм. Эта форма включает в себя в "снятом", концентрированном виде предыдущие проявления сути объекта и одновременно является их продолжением, расширением и надстройкой с "вкраплениями" некоторых особенностей (отличий), дотоле не присутствующих в прежних формах. Поэтому главное, что надо бы уловить в этом процессе – не "отражение" одного в другом (не удвоение или умножение сущностей), а преобразование, трансформацию имеющейся связки

предшествующих форм в новую совокупную форму, причем, не эквивалентную простой сумме форм, а качественно от нее отличную.

Жизнь и существование человека как субъекта познания – это движение содержательной составляющей через формы-уровни в направлении обретения наиболее содержательной формы такого движения, что и утверждается формулировкой *принципа саморазвития*. На словах мы, как воплощение, преимущественно, консервативного компонента-составляющей отношения {изменение/основа}, т.е. "основы", конечно, можем отрицать то, что ежесекундно каждым своим действием, каждым вдохом и выдохом, каждым словом и поступком участвуем в поиске и создании наиболее содержательных форм нашего существования и развития; однако на деле все указывает на то, что, альтернативы этому процессу не имеется.

§ 16. Систематизация и уточнение некоторых понятий и определений в свете наших представлений о развитии и познании реальности.

Попытаемся систематизировать вышеизложенное, пробиваясь, как и прежде, сквозь завесу заблуждений и путницы в понятиях и представлениях о предмете нашего разговора.

Истинность формы определяется ее содержательностью; отсюда, критерием истины или истинности форм служит их содержательность. Чем содержательнее форма, тем она истиннее. Внутренняя содержательность формы обнаруживает себя разнообразными внешними проявлениями, исполнениями, воплощениями.

С незапамятных времен человек наблюдает и фиксирует множество проявлений внутренней содержательности форм, как-то: красота и изящество, простота, гармония, лаконичность, системность, экономичность, непротиворечивость, самодостаточность и пр. Для установления и подтверждения истинности любой формы все эти проявления-исполнения ее содержательности должны пройти одну и ту же процедуру оценки – интерпретирование, – заключающуюся в определении возможности и допустимости замещения содержания исследуемых форм содержаниями как можно большего числа форм конкретных и абстрактных, истинность которых уже подтверждена и не вызывает сомнений.

Дело остается лишь за тем, чтобы применительно к каждому конкретному проявлению или исполнению содержательности найти (выявить, подобрать) свои специфические эталоны для корректного определения "количества" этой содержательности и выражения ее в условных единицах. Чем больше таких попадающих в поле зрения человеческого сознания проявлений, тем более *комплексным*, всеобъемлющим и информативным оказывается критерий оценки истинности форм; иными словами, если все проявления содержательности собрать воедино, то и получится *комбинированный* критерий всесторонней оценки истинности любой формы, – по *совокупности проявлений содержательности* этой формы.

Отсюда, по-видимому, и исходит интуитивное стремление ряда исследователей ввести некий комплексный критерий оценки истины; само по себе стремление вполне естественное и оправданное, тем более что во многих областях человеческой деятельности, обусловленных и порожденных разными проявлениями содержательности всевозможных форм, критерии оценки истинности форм уже выработаны и существуют, в других же – еще предстоит выработать. Но, при всей перспективности указанной идеи следует, все-таки остановиться на особенностях ее толкования и воплощения.

"Мы полагаем", – пишут авторы, – "что возможен синтез имеющихся концепций истины. Ядром общей теории истины может стать концепция корреспонденции, в связи с тем, что только она раскрывает сущность истинного знания. По словам Декарта, четко и наиболее кратко сформулировавшего главную идею теории корреспонденции, «истина... означает соответствие мысли предмету». ...Без соотнесенности с предметом понятие истины не имеет смысла, беспредметной истины, истины ни о чем не бывает" [4, с.6-7].

На примере приведенной цитаты разберем путаницу в представлениях, о которой мы заявили выше. Дело в том, что в этом фрагменте статьи (как и во множестве публикаций на данную тему) сопоставляется не совсем сопоставимое, подобно, скажем, попытке установления соответствия между метрами и секундами. Несмотря на то, что те и другие "вырастают" из одного корня как компоненты-составляющие цельного отношения {время/пространство}, тем не менее, они не эквивалентны и не тождественны друг другу, как не тождественны и не взаимозаменяемы компоненты первообразного отношения {содержание/форма}. Здесь налицо попытка соотнести и отождествить "форменное" и "содержательное" начала реальности, что по большому счету *некорректно* в силу их *природной* несовместимости.

Истинность знания определяется его содержательностью. Чем полнее, чем выше содержательность знания, тем оно истиннее, достовернее. Как видим, предметность здесь вообще ни при чем. Необходимость "соотнесенности с предметом" появляется не в связи с оценкой истинности знания, а в связи с оценкой полноты или "количества" его содержательности, которая (оценка) выполняется, как об этом и говорилось выше, посредством процедуры практики или технологии интерпретирования, т.е. сопоставлением и замещением (как можно более полным) **содержания** абстрактной формы знания **содержаниями** более конкретных форм ощущений и/или **содержаниями** абстрактных форм мышления, истинность которых уже подтверждена и не вызывает сомнения. И лишь на основании установленной **содержательности** знания можно говорить о его истинности. Истинность той или иной формы, таким образом, не имеет к предметности прямого отношения (хотя бы даже потому, что подтверждения истинности одинаково требуют, как абстрактные, так и эмпирические формы или формы ощущений, тесно связанные с предметными формами). Истинность абстрактных форм соотносится с предметностью лишь опосредованно, – через процедуру оценки и установления полноты **содержательности** абстрактных форм.

По этой же причине словесные обороты типа "соответствие мысли предмету" (в постановке Декарта) или "соотнесенность понятия с предметом" (в современной постановке) с давних времен и по сию пору применительно к процедуре поиска истины или установления истинности знания употребляются **некорректно**. Не следует забывать о том, что субъективное человеческое знание о реальном предмете служит выражением **объективного содержания** формы предмета, **уже опосредованного** формой человеческих ощущений и формой человеческого мышления. Поэтому сравниваться, сопоставляться, апробироваться на соответствие могут только **содержания** формы ощущений и формы мышления. И лишь на основании выявленных (в процессе сравнения и сопоставления) в какой-то мере сопрягаемости, соответствия, эквивалентности или "совпадаемости" этих содержаний, только и можно делать заключение о какой-то общности и преемственности их форм, а, следовательно, и об **объективности** содержаний форм ощущений и мышления, дополняющих, углубляющих и развивающих **объективное содержание** формы самого предмета. В силу указанного обстоятельства **объективное содержание формы**

предмета предстает уже в качестве **объективного содержания** обобщенной **многоуровневой совокупности** (симбиоза) всех трех сопряженных преемственных **форм** разных уровней (формы предметности, формы ощущений и формы мышления). Наконец, проявленное посредством формы мышления **содержание** вышеупомянутой совокупности форм с удостоверенной (с помощью процедуры практики или технологии интерпретирования) **объективностью** (т.е. наивысшей содержательностью) может претендовать на статус **истинного** знания о предмете.

Таким образом, *содержание* абстрактной формы (знания, мысли и пр.) требует "соотнесенности" или "корреспонденции" не с предметом (предметностью, бытием и пр.), а с *содержанием* предметной формы, к тому же, *опосредованной* формой ощущений. И уже на основании упомянутого соотнесения и обнаруженного соответствия (корреспонденции) или преемственности сопоставляемых *содержаний* делается заключение о наличии в абстрактной форме *объективного содержания*, а, следовательно, и об *истинности* абстрактной формы

В связи с высказанными здесь замечаниями в адрес фрагмента статьи [4], хотелось бы все же отметить, что статья, на наш взгляд, по-прежнему актуальна, но есть некоторые *типичные* неточности, на которые нельзя не обратить внимания в контексте рассматриваемых вопросов. Продолжая мыслить прямолинейно и игнорируя, без преувеличения ведущую роль и значение *содержательно-форменных отношений* в развитии (и познании) реальности, мы никогда не отделим зерна от плевел и будем буксовать еще непростительно долго. Чтобы по настоящему вникнуть в суть любого вопроса и разобраться в нем досконально, надо рассматривать этот вопрос непременно через *призму содержательно-форменных трансформаций* (к сожалению, этот призыв пока что – глас вопиющего в пустыне). Это тем более необходимо оттого, что мы живем в условиях, когда время на предвосхищение развития событий и правильную ответную реакцию на, так называемые, "вызовы", катастрофически сокращается. Равным образом, нет сомнений в том, что подготовленный и бескомпромиссный читатель обнаружит в тексте и настоящей статьи неизбежные огрехи, что было бы очень неплохо и абсолютно нормально, ибо только путем последовательных приближений и можно подбираться ко все более точному и "исчерпывающему" выражению объективного (истинного) содержания развивающейся реальности.

Далее, непременно следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на разницу внешних проявлений содержательности форм, технология (или процедура, или способ) оценки истинности любых форм остается универсальной и стандартной – это интерпретирование, частным случаем которого выступает практика. Заключается эта технология в выявлении возможности и допустимости замещения содержаний исследуемых форм содержаниями как можно **большого** числа конкретных и абстрактных форм (с уже установленной и подтвержденной истинностью); т.е. технология интерпретирования сводится, в конечном итоге, к поиску или выработке, так называемых, эталонов или условных единиц, посредством которых можно выразить или представить "количество" или полноту оцениваемой содержательности исследуемых форм.

Суть же этой технологии всегда одна – выражение неизвестного через известное, необычного через привычное, непознанного через познанное, непонятого через понятое, иррационального через рациональное, неопределенного через определенное, более абстрактного и менее конкретного через менее абстрактное и более конкретное и т.д., и т.п. Все непознанное и неизведанное оценивается, проверяется и выражается через уже имеющееся и существующее, истинность которого установлена и проверена

временем. Ничего нового здесь ни человек, ни природа "придумать" уже не смогут, поскольку, как процесс развития (чего бы то ни было), так и процесс познания (чего бы то ни было) всегда подчинялись, подчиняются и будут подчиняться универсальному *принципу саморазвития*. При этом не имеет существенного значения – выражается ли частное через общее или наоборот, – главное в том, что, как результат описанной процедуры, всё дотоле неизведанное и неопределенное обретает более или менее законченную (сбалансированную на время) форму чего-то проверенного, доказанного, достигнутого и постигнутого. Впрочем, есть и иные точки зрения [9].

Невозможность всецело или всеобъемлюще и исчерпывающе охватить "делающееся и развивающееся" существующим и достигнутым, и обуславливает, и порождает приблизительность, неточность или, так сказать, "хроническую" незаконченность выражения или охвата содержания формой в ходе взаимодействия этих двух составляющих. Непременно остается нечто содержательное (или какая-то его доля), неохваченное и *не поддающееся* охвату никакой формой, с каким бы "рвением" последняя не претендовала на само совершенство. Спираль, как и запятая – это круг "с развитием" или точка "с хвостиком", предвещающим всегда новый поворот событий и шаг в недостаточно определенное и не до конца изведенное.

Необходимо, также, заметить, что при описанном подходе к оценке и установлению истины или истинности разных форм знания, не имеет никакого значения, – гуманитарное это знание (из области литературы, журналистики, политики, искусства и пр.) или естественнонаучное (техническое, физическое, математическое и пр.), поскольку ложь и фальшь есть категории *объективные*, суть которых состоит в **малосодержательности** (а, следовательно, и неистинности) содержаний их форм, которые, так или иначе, рано или поздно, будут опровергнуты и отвергнуты *принципом саморазвития*, указывающим на объективное движение-стремление к наивысшей содержательности (а, значит, и к истинности) *всех без исключения* развивающихся форм. Чем скорее человек это осознает, тем дальше от края пропасти (т.е. угрозы исчезновения человечества как определенного уровня-формы реальности) будет (от)стоять.

Таким образом, истинность любой формы определяется ее содержательностью; *наиболее истинны формы*, обладающие *наивысшей содержательностью*.

Исходя из этого, критерием истинности форм служит их содержательность, тогда как практика или, в более широком смысле, интерпретирование – это всего лишь *универсальная технология*, процедура или способ оценки полноты или "количества" *содержательности* исследуемых форм.

Если объединить только что сказанное в одну фразу, то получится такое более или менее компактное выражение: критерий истины или истинности исследуемых форм – это содержательность этих форм, полнота или "количество" которой устанавливается возможностью и допустимостью замещения (хотя бы мысленного) содержаний исследуемых форм содержаниями *как можно большего* (в пределе – *бесконечного*) числа конкретных и абстрактных форм *с уже установленной и подтвержденной истинностью*.

Применительно к определению критерия научности знания (т.е. объективности содержания абстрактных форм знания) можно сказать следующее.

Критерий научности знания (или критерий объективности содержания абстрактных форм знания) – это, опять-таки, содержательность этих форм, полнота или "количество" которой устанавливается возможностью и допустимостью замещения (хотя бы мысленного) содержаний абстрактных форм

содержаниями некоторого *условно-ограниченного* числа конкретных и абстрактных форм *с уже установленной и подтвержденной истинностью*.

С позиции нашего подхода главные функции науки – объяснительную и прогностическую – можно примерно определить и охарактеризовать следующим образом.

Объяснение – это интерпретирование (выражение, замещение, замена) содержаний неизвестных, непонятных, непривычных, нестандартных абстрактных форм (суждений, построений, конструкций, теорий, концепций, формул и т.д.) содержаниями известных конкретных, понятных, привычных, стандартных форм.

Прогнозирование – это предвосхищение образования, появления или открытия новых форм реальности (а также предугадывание направления изменений существующих ее форм) с помощью и на основании "придуманных", сгенерированных, созданных, сформулированных обобщенных абстрактных форм (суждений, теорий, концепций, гипотез, конструкций, построений, формул и т.д.), объективность содержаний (т.е. содержательность) которых либо уже установлена и подтверждена, либо находится в стадии оценки и подтверждения технологией интерпретирования.

Весьма важные критерии научности знания – воспроизводимость и повторяемость результатов эмпирических исследований, – в терминах нашего подхода означают допустимость многократного интерпретирования (выражения, замещения, замены) с одинаковым результатом содержаний исследуемых эмпирических форм содержаниями подобных же эмпирических форм, истинность которых уже установлена и не вызывает сомнений.

Логика изложения экспонируемого здесь исследовательского подхода требует также соответствующего толкования и уточнения термина "адекватность" с позиции наших представлений о развитии и познании.

И снова "танцуем от печки". Философские словари определяют адекватность следующим образом: "В теории познания термин «адекватный» служит для обозначения верного воспроизведения в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности. В этом смысле **истина** определяется как **адекватность мышления бытию**" [19, с.13].

Этим определением нас, опять-таки, пытаются убедить в корректности сопоставления не сопоставимого и сравнения не сравнимого. Вопреки приведенному определению, адекватность не имеет прямого отношения к бытию, также как и истина не имеет прямого отношения к предметности (на что указывалось выше). *Адекватность* мышления в данном случае означает высокую *содержательность* форм-продуктов этого самого мышления, которая уже прошла оценку или проверку интерпретированием, в результате чего упомянутые формы-продукты признаны *истинными*.

Тем самым, термином *адекватное* обозначается и характеризуется **содержание истинной** формы мышления, максимально соответствующее (т.е. преемственное и собой продолжающее) **объективному содержанию** формы предметности (или, объективному содержанию бытия), *опосредованному* формой ощущений.

А истина, как и было определено ранее – это форма (но форма, как совокупность форм предметности, ощущений и мышления), исполненная наивысшей (объективной) содержательности.

И то, и другое – глубоко взаимоувязанные понятия. Неадекватное мышление, оперирующее содержанием неистинных форм, наказывается "небытием" досрочно и преждевременно.

Адекватное понятие, адекватный образ, адекватное представление, адекватная теория, адекватное учение и т.д. – это все об *объективном содержании* разнообразных *истинных* абстрактных форм-продуктов мышления.

Как видим, термин *адекватное* применим лишь для оценки, обозначения и констатации полноты содержательности самого верхнего слоя или вершины пирамиды (т.е. человеческого сознания), в основании которой лежат более примитивные вещественно-предметные и растительно-животные уровни; в то же время, следует ясно себе представлять, что без связки и взаимозацепления с этими более "приземленными" основательными уровнями тот "вершинный" уровень человеческого сознания просто не существует.

Адекватное мышление – это мышление, оперирующее содержанием *истинных* форм (наиболее содержательных абстрактных конструкций и построений), проверенных на полноту содержательности процедурой (технологией) интерпретирования. Последнее означает, что наивысшая содержательность (а, значит, и истинность) такой формы уже подтверждена и удостоверена многочисленными конкретными примерами и фактическим материалом (в том числе, проверенными и одобренными к использованию абстрактными формами).

Неадекватность мышления наказывается преждевременным (досрочным) прекращением развития формы человека и человечества (торможением развития, "растаскиванием" формы на части, поглощением и ассимиляцией конкурентами). Одним из признаков неадекватности мышления современного человека является пренебрежение диалектикой.

Регресс формы – это уже показатель того, что она "растаскивается", как изнутри, так и снаружи на части другими, более активными уровнями. Приостановившуюся в своем развитии форму "подхватывают" соседние уровни, ассимилируют (целиком или частями) и приобретают, тем самым, новый импульс для своего собственного дальнейшего развития.

Целостно, гармонично, дееспособно, действенно, действительно и истинно то, что наполнено *объективным содержанием*, что наиболее содержательно на данный момент и при данных обстоятельствах.

Преемственность форм предполагает плавную стыковку, плавное вращение, плавный переход от содержаний форм предметно-практического уровня к содержаниям форм-продуктов (каковыми являются абстрактные представления и образы) уровня мышления. Однако определяющим здесь все-таки, в конце концов, оказывается *объективное содержание* предметно-практической деятельности, т.е. содержания форм предметного уровня (опосредованные формами ощущений), поскольку они более основательны в *многоуровневых* структурах форм человека и человечества.

Абстрактные формы-продукты субъективного мышления (т.е. знание в виде представлений, образов, понятий, теорий, учений и т.д.) и более конкретные формы, им предшествующие, способны выстраиваться и выстраиваются в непротиворечиво-преемственную последовательность или цепочку форм только тогда, когда наделены *объективным содержанием*, когда объединены общим компонентом, коим является *объективное содержание* развивающейся реальности. В указанном смысле *объективное содержание* развивающейся реальности – это тождество бесконечному движению к исчерпывающему выражению содержания реальности развивающимися формами этой же самой реальности.

В свою очередь, наивысшая содержательность знания и его форм (т.е. наполненность абстрактных форм *объективным содержанием*) и, соответственно, *адекватность* восприятия реальности (приблизительное, но как

можно более полное совпадение или соответствие *содержаний* абстрактных форм мышления и форм ощущений) обеспечивают успех человеческой деятельности и служат условием выживания и стабильного развития человечества.

В современной литературе (а, тем более, в публикациях прошлого) понятие *адекватности* очень слабо, а, точнее, практически никак не увязывается с *содержательностью* форм. Между тем, решение задачи по установлению и детализации подобной связи неминуемо приведет к многочисленным открытиям в области медицины, биологии, кибернетики и др. сферах научной деятельности. Применительно к человеку *содержательность* в лице таких проявлений организма как здоровье, долголетие, адаптационные способности и возможности, ресурс, интеллект и пр., должна исследоваться в теснейшей взаимосвязи с *адекватностью* мышления, восприятия, поведения человека (и других высших представителей животного мира), если исследователь настроен на получение оригинальных (прорывных) результатов в ходе своих исследований.

§ 17. Правда о лжи.

Настоящий раздел посвящен иллюстрации вышеизложенного материала некоторыми конкретными примерами и соображениями.

Как уже отмечалось в §3, современные СМИ, подконтрольные коллективному Западу, лишены сомнений по части "исключительной" справедливости своих нескончаемых попыток намеренными вбросами фальшивой информации, силовым давлением и манипулированием сознанием обывателя достигать неблагоприятные цели и любыми способами продавливать превосходство своей *содержательности*, т.е. своего "непревзойденного" понимания правды или истины, замешанной на ложных посылах и основаниях.

В подтверждение сказанного приведем неприкрыто циничное на этот счет мнение (в статье с издевательским названием "Бешенство России") одного из современных пропагандистов таких мнений, "прописавшегося" на экранах российского ТВ:

"...Недавно мы увидели проявление американского «права сильного» во всей своей красе – убийство иранского генерала Касема Сулеймани.

...Да, подобное применение «права сильного» является возмутительным, нечестным и зачастую незаконным. ...Но факт остается фактом: «право сильного» является неизбежной, даже естественной, я бы сказал, частью мировой политики. Нравится это кому-нибудь или нет, надо принять такое явление как данность. Подобный дарвиновскому естественному отбору «международный порядок» существовал испокон веков, и так будет всегда в той или иной степени. Право сильного – это одно из наиболее ярких и жестких проявлений «реалполитики» [1].

С давних времен англосаксонский мир последователен в главных целях – навязать свой сценарий развития событий вопреки объективному их ходу и адекватному их восприятию. Англосаксы одержимы верой в то, что простым "хотением", прессованием, насаждением некоего упрощенчества (т.е. отказа от учета множества взаимодействующих факторов) можно искусственным образом переломить естественно развивающийся *содержательный* процесс. По их меркам вещественно-предметно-материальное в его денежном выражении всегда будет превалировать и превозмогать все прочее.

Для оценки весомости и авторитетности занимаемой в цитируемой статье позиции нужно ответить на простой вопрос: высока ли на современном этапе развития *содержательность* теории "социального дарвинизма"? Безусловно, что-

то "долгоиграющее" остается от этой теории и по сию пору (человек, например, никогда не освободится *полностью* от присутствующего в нем животного начала, хотя бы потому, что из этого начала "вышел"...). Вместе с тем, любой школьник сегодня знает, что "дикая" природа представлена всего лишь узкой прослойкой, промежуточным уровнем в общечеловеческой природе наряду с целым рядом вновь надстроенных уровней, базирующихся на учете таких качеств развитого человека, как его достоинство, готовность к сотрудничеству и взаимопомощи, гуманизм и т.п. Безусловно, уровень "дикости" также представлен в связке всех прочих уровней многоуровневой структуры человека и временами *подминает* под себя менее агрессивные по своей природе "интеллигентские" ("травоядные") уровни, но, несомненно и то, что удельный вес его в общей совокупности уровней на сегодняшнем этапе развития значительно меньший, чем в эпоху Ч.Дарвина. И сводить всю объективную содержательность существующей связки-совокупности уровней в общей структуре современного человека и его мышления к этому отдельному весьма "приземленному" ("плотоядному") уровню есть простодушное заблуждение или намеренная ложь. Справедливость данной точки зрения подтверждается многовековой мудростью нашего народа (или несколько перефразированным высказыванием Александра Невского): не в силе бог (победа, успех, перспектива, цель и т.п.), а в правде, в истине...

Но вышеназванной когорте людей с колониальным мышлением этого не объяснишь. Речь идет о людях не просто иного дискурса и, даже, не иного цивилизационного уклада, а о "порожденцах" и выразителях *иного (противоположного) начала реальности*, с которыми говорить о приоритете гармонии или объективно существующей тенденции к достижению некоего баланса составляющих-уровней в многоуровневой человеческой природе, пока бессмысленно. Они убеждены в том, что гипертрофированная технологическая составляющая в их государственном устройстве гарантирует им полный успех и победу над всем миром. Какой вздор! На этой почве они абсолютизируют свою значимость и величие; на самом же деле больны своей мнимой исключительностью и не видят ничего дальше собственного носа. Тем проблемнее для них самих. *Малосодержательное* (примитивное) сознание имеет шанс никогда не дотянуться до критически необходимого уровня и оказаться *тупиковой ветвью развития человечества*: господа неандертальцы, – где вы? Ау!

К счастью или несчастью, но объективная истина существует; на всякий данный момент она **одна** (из множества подобных приближений к истине абсолютной), и все настойчивее проглядывает требование определяться с этим вопросом "по-взрослому". Пренебрежение объективной истиной чревато потерей человечества как вида или как одного из уровней реальности; на кону – судьба человечества, – ни больше, ни меньше.

Главная ставка сегодняшних "хозяев жизни" и подвластных им СМИ – на низкие "приземленные" инстинкты человека, т.е. на его "расчеловечивание", – акцент делается на увеличение содержательности лишь самых примитивных форм-уровней (в составе целой совокупности уровней-составляющих современного человека) и, в частности, простейших форм ощущений и поведенческих реакций животного уровня. Нехитрое содержание указанных форм многократным вдалбливанием "зашивается" в мозг человека в качестве аксиом (т.н., бездоказательных истин). Основная масса невзыскательных обывательских умов в силу своего невежества "ведется" на дешевую установку и пропаганду следования навязываемому способу и образу жизни. Насквозь проникнутый ложью, лицемерием, двойными стандартами капиталистический мир по другому (то есть, не снимая "сливки" под прикрытием) жить просто не умеет. А что касается СМИ, то они всегда занимают позицию того, из чьих рук

кормятся, что отнюдь не свидетельствует в пользу их независимости; СМИ – по-прежнему "партийны", как и сто, и двести лет тому назад. Вопрос очищения сегодняшних СМИ от скверны лжи и полуправды не решаем, по-видимому, вне выяснения личных позиций представителей этих СМИ. Этот вопрос должен ставиться примерно так: сможешь ли, *сподоблен* ли ты лично, как субъектная форма (как журналист, корреспондент, обозреватель, политолог и т.д.), быть формой-носителем и продолжателем развивающегося *объективного содержания* в противовес обретающимся и укоренившимся здесь сегодня "фейковым", лживым, продажным субъектным формам? Разумеется, вопрос сей имеет смысл лишь в связке с решением проблемы надлежащего воспитания молодых кадров. Журналистские кадры, подобно медицинским, должны приводиться к присяге или некоей клятве, исходя из понимания – насколько серьезным оружием против человечества могут быть пропагандируемые ложь и неадекватность мышления.

Коллективный Запад в лице заокеанского "гегемона" и его клеветников на самом деле "доигрался" уже до убежденности в том, что никакого *объективного содержания*, никакой правды или истины не существует *в принципе*; все исчерпывается *общезначимостью* и тем, что удастся навязать невзыскательному большинству путем манипулирования человеческим сознанием и откровенно силовым давлением. Манипулирование сознанием человека – это преступление против личности и против человечности. И преднамеренная ложь, и искреннее заблуждение, и, тем более, манипулирование сознанием – одинаково губительны для судеб человечества.

Западные СМИ серьезно обсуждают вопрос о наступлении эпохи, так называемой, "постправды". "Постправда" бесконечного числа субъективных мнений и высказываний (вымыслов, трудноотличимых от правды; безосновательных утверждений, "назначенных" быть правдой; пересказываемых слухов и досужих домыслов) должна безотлагательно опровергаться доказательством отсутствия устойчивой прямой и обратной связи, преемственности и сопрягаемости содержаний вбрасываемых субъективных абстрактных форм с объективным содержанием предметной реальности, конкретных фактов, надежно проверенных абстрактных логических форм с подтвержденной истинностью.

Нельзя произвольно и бесцеремонно обращаться с правдой (с истиной), – и не потому, что это наказуемо неким "верховным божеством" или "провидением", а потому, что мир устроен диалектически. Возвращение к изначально отвергнутым формам большей содержательности рано или поздно состоится, и все ложные, сиюминутно выгодные ориентиры вместе с их пропагандистами и заказчиками будут отринуты и низвергнуты. Такова диалектическая природа мира, подразумевающая неминуемое возвращение к себе самому, но всякий раз, на более и более содержательном (подлинном, истинном, действительном) уровне. Универсальный *принцип саморазвития* "руководит" всем и вся, управляет всеми процессами без исключения, и так просто ни на какой кривой козе его уже не объедешь. Каждый волен выбирать сам – принять этот принцип и следовать ему в жизни, либо отрицать и игнорировать с неизбежными для себя последствиями.

Реальное положение вещей таково, что в силу этой самой *диалектической природы* окружающего мира, всё, рано или поздно, имеет обыкновение возвращаться "на круги своя", но не в прежнем своем виде, а в иных более весомых и более содержательных формах. При непонимании или игнорировании такого расклада, или при неумелом и неосмотрительном обращении с упомянутыми обновленными формами, – воздействия, а то и удары этих

"утяжеленных" возвращающихся форм могут прийти не туда, где пониже спины, а туда, где повыше шеи.

Нарастающая бессодержательность коллективного Запада его и погубит. И произойдет это не по причине божьей кары, божьего промысла или исполнения некоего "закона кармы", а оттого, что истощающаяся содержательность их главных повседневных форм (образа жизни), основывающихся на человеческих пороках, провоцирует поглощение этих форм значительно более содержательными устойчивыми формами. Слишком много пустопорожних (малосодержательных) форм-образований на всех уровнях породила их меркантильная нацеленность и оголтелый индивидуализм (бутафорские постиндустриальные "экономики"; необеспеченность валюты ФРС; живые СМИ; бесплодные однополые браки; вычурные празднования; "назначенная правдой" извращенная "постправда"; показушные ценности; фарисейская ювенальная юстиция; возникшие из ниоткуда лицемерные мультикультурализм, толерантность, политкорректность и т.д.). Когда общество (или государство) преследует *малосодержательные* цели, тогда оно и поглощается более *содержательными* и *сбалансированными* общественными устройствами.

Перечисленные выше (в скобках) формы-образования относятся к абстрактным построениям и конструкциям, придуманным вкрай субъективированным сознанием, и возведенным на зыбких (ложных) противоестественных основаниях. Эти построения и конструкции, порожденные субъективным воображением в умах немногочисленных индивидов, не относятся к числу проверенных временем и подтвержденных обычаями и традициями, а имеют в своем арсенале лишь *ограниченное* количество более или менее успешно реализованных примеров. Здесь мы напрямую сталкиваемся с проявлением волюнтаризма, с произвольным абсолютизированием субъективного компонента в известном системном отношении {субъективное/объективное}, что чревато нарушением баланса или равновесия всего отношения в целом. Слишком малый объем фактического материала имеется в распоряжении человека, чтобы проверить и подтвердить истинность абстрактных конструкций указанного типа и допустить их, затем, в качестве *новых оснований* для массового применения человечеством. Без тщательной оценки *содержательности* плодов воспаленного мозга и безудержных фантазий процедурами практики и интерпретирования, истинность этих форм, мягко говоря, вызывает сомнения, а упорное повсеместное насаждение – безусловно, опасно.

В каждом отношении, подобном отношению {изменение/основа}, типичным представителем которого является и рассматриваемое нами отношение {субъективное/объективное}, присутствует *определенное соотношение* компонентов "изменения" и "основы" в их отношении, гарантирующее стабильность и устойчивое развитие самого отношения в целом на том или ином этапе развития реальности. Отыскание такого соотношения компонентов-составляющих в указанных отношениях, соответствующего некоему осредненному *сбалансированному* значению, определяемому и обуславливаемому всяким данным этапом развития реальности, всегда есть и будет важнейшей приоритетной задачей, стоящей как перед отдельными субъектами, так и перед их сообществами.

Как только незрелое субъективное мышление начинает игнорировать свою связь с "приземленными" уровнями *основы*, так оно уходит в крайность, в односторонность, в абсолютизацию этой односторонности. Мышление спекулятивно и практически безгранично может манипулировать всем, чем угодно, что оно и делает, и получает любые "результаты", и достигает "выдающихся" успехов. Но многое из этих "достижений" приобретается ценой

утраты адекватности представлений о реальности. И в этом случае индивид или сообщество, безрассудно и "безбашенно" пользующиеся огромным потенциалом мышления (характерного высокой интенсивностью содержательно-форменных трансформаций) попадают в западню.

Вполне в духе англосаксонской субъективированной традиции – силой загонять в "рай" и "окультуривать" (цивилизовать, демократизировать и пр.) всех несогласных и сопротивляющихся. Подобное, раз от разу повторяющееся пренебрежение объективно складывающейся ситуацией неминуемо вернется к англосаксам бумерангом наказаний для их новых поколений, которым вынужденно придется "включать заднюю", расплачиваясь за *неадекватность* и *малосодержательность* своих предков. К сожалению, большинство (и, в первую очередь, молодежь) этого пока не видит, наивно полагая, что технократическая политика и технологическая "продвинутость" автоматически обеспечит первенство и преимущество во всех сферах человеческой деятельности. На самом же деле, уродливая однобокость или дисбаланс в развитии разных сторон-составляющих отдельных цивилизаций приводит последние к вырождению в свою противоположность и неминуемому краху.

Ведь, что в главном отличает современную западную *идеологию* от восточной (в частности, в рамках антагонизма США vs Россия)? Это – разные представления о необходимом и достаточном соотношении компонентов в отношении {изменение/основа}. Западный мир делает акцент на превалировании составляющей *изменения* (запредельной предприимчивости, бесконечной свободы, неограниченного индивидуализма и эгоизма, и т.п.), тогда как Восток отдает предпочтение компоненту *основы*, – устойчивости, опыту, здравому смыслу, обоснованному консерватизму, коллективизму. И уже отсюда, со стороны Запада вытекает пренебрежение моралью, нравственностью, гуманизмом. Тут встречаются и конкурируют два разных подхода с опорой на разные удельные веса (в том числе, и в цифровом выражении) компонентов-составляющих в их нераздельной целостности. Для нахождения баланса или "золотой" середины между указанными компонентами, безусловно, нужны и запас терпения, и все более осмысленная лояльность Запада и Востока по отношению друг к другу. Однако, не менее значимо и понимание того, что временами просто необходимо *активное* противодействие агрессии (и в воздухе, и на море, и на суше, и, особенно, в космосе). В окопах, подставляя попеременно щеки для ударов, не отсидеться. Следует смелее и энергичнее блокироваться с единомышленниками и коллективными усилиями контролировать баланс системы {Запад/Восток}. В частности, все "железо" непрозрачного и сомнительного назначения, выводимое в космос "гегемоном", должно находить упокоение на дне мирового океана. Иллюзий быть не должно; нельзя не видеть, что в данном случае Запад представляет собой не столько активный, сколько *агрессивный* компонент отношения {изменение/основа}, противостоящий *умеренно-активному* компоненту Востока. Западом "повелевает" совсем иное *начало реальности*, нежели Востоком, и полная совместимость или совпадение *обоих начал* не достижимо *в принципе*. Потому-то небезопасные алгоритмы, "роящиеся" в головах коллективного Запада, должны быть нейтрализованы на самых ранних стадиях. Известная неадекватность обезьяны с гранатой может привести к коллапсу всей системы {Запад/Восток} и уходу "в небытие" такой формы-уровня реальности, как человечество. Само собой разумеется, что развитие реальности и естественный вселенский ход событий под "управлением" *принципа саморазвития* этим единичным актом не остановить, – просто отдельное звено в общей цепи развития трансформируется в новую форму, которая и продолжит свое содержательное движение на новом уровне, но уже без

человека. Однако, самому-то человеку его судьба, пожалуй, не так уж и безразлична.

Процедура нахождения *баланса* вышеупомянутых компонентов-составляющих сложна еще и оттого, что компоненты подвержены перманентному воздействию многочисленных внешних и внутренних факторов (т.е. таких же компонентов других отношений), что делает их весьма подвижными в рамках единого отношения, и, в свою очередь, приводит к спорадической изменчивости самого отношения в целом.

Изменения без основы (т.е. отрицание и сведение к минимуму значения и роли основы) в известном отношении {изменение/основа} – это абсурд. Основа направляет изменения, сохраняет их в виде наслоений и задает, тем самым, вектор последующих изменений (т.е. развития). Обособляющиеся и "отрывающиеся" от основы изменения ликвидируют отношение в целом, как таковое, поскольку нечто, лишаясь основы и "родства не помнящее", трансформируется в свою противоположность. Вектор развития в значительной степени определяется основой, т.е. прошлым, "прожитым", предшествующими накоплениями.

Роль России, как главного стабилизирующего компонента или противовеса в системе {Запад/Восток}, грозящей временами пойти в разнос – неоспорима. Правда, наиболее эффективно противовес этот будет функционировать лишь на основе обновленного общественного устройства с *социалистическим укладом*, который, несомненно, является нашим *национальным приоритетом и гордостью на века*.

Отсутствие (особенно у политиков) приверженности таким, например, качествам человека и показателям развитого гармоничного общества, как честь, совесть, порядочность, мораль, нравственность, человеколюбие, взаимоуважение – прямой путь "в небытие" для тех человеческих сообществ, которые отказываются от подобных гуманистических приобретений, идеалов и убеждений.

Неадекватное поведение большинства индивидов (общества), как реакция на движение в никуда, "освященное" *бессодержательными* целями, наказывается "небытием", т.е. поглощением и ассимиляцией *малосодержательных* форм здоровыми *адекватными* формами. Россия с ее значительно более адекватными, чем у коллективного Запада, представлениями о действительности, имеет все шансы на лидерство с гуманистической направленностью при условии, что будет найден способ трансформации навязанных ей уродливых и ущербных капиталистических форм в иные гармоничные формы развития.

Как показывает время и ход развивающихся событий, субъективный, казалось бы, вопрос справедливости общественного устройства [римское право относит понятие *справедливости* к категориям субъективным] оказывается вопросом вовсе не субъективным, а исключительно объективным. Принимая во внимание исконно присущие нашему народу стремление и тягу к справедливости, вполне назрела к воплощению на новом уровне следующая идеологическая схема или цепочка содержательных преобразований: правда (истина) => справедливость => право => равноправие => равновесие (общественное) => баланс => гармония... Любое человеческое сообщество или цивилизация так или иначе (явно или неявно) стремится к реализации подобной цепочки, обусловленной диалектической природой окружающего мира. На самом деле – это вопрос жизни и смерти для всех ныне обретающихся человеческих сообществ.

Стоит, пожалуй, отдельно остановиться на роли и значении современной рекламы.

Сегодняшняя агрессивная реклама на ТВ – это, как правило, хорошо оплаченная ложь и намеренно искаженное представление об истинном положении дел. Языком рекламы с младенческих ногтей человеку посылается сигнал: можно врать много и безнаказанно, с высокой трибуны и на многомиллионную аудиторию. Реклама практически всегда безапелляционно гипертрофирует ограниченные позитив и преимущество товара, услуг и всяческих "брендов", пряча на заднем дворе негативные их особенности и недостатки. В этом состоит ее ложь, этим она пагубно влияет на неокрепшие молодые умы. Лживая реклама с утра и до вечера учит молодежь также легко и невзыскательно относиться к собственным невыполненным обещаниям и пустым посулам.

Рекламу с ТВ надо уводить однозначно. Наиболее "креативные" лгуны вопят, что без рекламы не будет ТВ. Врут, бессовестно врут, ибо принципы функционирования ТВ сознательно искажены и обезображены дельцами от ТВ. Врут те, кто имеет причастность к огромным деньгам, которые крутятся в этом закулинье и которые можно бесконтрольно рассовывать по карманам. В условиях общественного характера производства и частнокапиталистического способа присвоения замыливание глаз почтенной публике – неотъемлемый элемент всех телевизионных шоу и аттракционов. Когда дело касается распределения и присвоения наработанного при капитализме продукта, всяк должен сразу же забыть о прозрачности этих процедур – иначе никакими силами не собрать на относительно крохотных пятачках запредельное количество проходимцев и прочих одиозных особей.

Между тем, путь в обход этих "естественно" организованных трудностей весьма известный и бесхитрый – создавать фонд накопления, общественные фонды потребления и *питать* ими насыщенные и востребованные направления, и не только на ТВ; это, пожалуй, пока, наиболее эффективный и проверенный способ развития человеческих инициатив в условиях грядущего социалистического уклада.

Коснемся подоплек возникновения и укоренения ложных посылов.

Ложь – это тоже некая содержательная форма, но с чрезвычайно низкой степенью *объективной содержательности*, т.е. форма весьма далекого (грубого) приближения к выражению объективного содержания реальности (*малосодержательная*, и, потому, *неистинная* форма).

Бессовестная ложь – это фактический отказ от морально-этических норм и категорий в пользу временной, сиюминутной, как правило, материальной выгоды (с ее единственной меркой – объемом денежной массы). К такому выбору подводит культивирование ярко выраженного индивидуализма в противовес коллективизму и приоритетности общественных интересов.

Неумение и нежелание отличать несущественное или малосущественное от существенного, во-первых, и, произвольная абсолютизация этого малосущественного в ущерб существенному, во-вторых, есть наглая бесстыжая ложь. Пользуясь подобным приемом можно долгое время результативно лепить из мухи слонов, умышленно умаляя содержательность существенных форм. Сознательное умаление существенного и возвеличивание несущественного сродни смешению лжи с полуправдой, а, потому, это самая изощренная, мерзкая и отвратительная разновидность лжи. Однако рано или поздно естественная установка на рост содержательности форм возымеет своё и расставит формы по своим местам соответственно уровню их содержательности.

Всякая ложь – это намеренная попытка увода в сторону и ухода от адекватного мышления.

Когда нас пытаются убедить в том, что черное – это белое, ссылаясь на истинность *общезначимого* (т.е. на мнение некоторого "коллективчика", собравшего под свои знамена ограниченное число индивидов), то этим пропагандистам общезначимого в ущерб *объективному* надо иметь в виду, что ответ за навязывание провального мнения, может так стать, придется держать уже не перед оболваненным "коллективчиком", а перед обманутым человечеством.

Виртуальная реальность – это ложь, основанная на неподкрепленной и неподтвержденной содержанием конкретных форм *допустимости преобладания субъективной* составляющей в отношении {субъективное/объективное} в ущерб составляющей *объективной*. Современный кинематограф по типу "заокеанского" голливудского (великолепно освоивший "солженицынские" мотивы и приемы раздувания менее существенного до масштабов, превосходящих всё существенное) насыщен вымыслами, трюками и спецэффектами, препятствующими адекватному восприятию действительности. Потворство "заокеанской" *неадекватности*, опять же, чревато последствиями для всего мира.

В конце концов, это право каждого индивида на выбор – в какую сторону и насколько следует сдвигать разделительную черту в отношении {субъективное/объективное}, но, к счастью, критерий корректности и допустимости таких "сдвижек" все-таки имеется; это – адекватность содержания мышления содержанию бытия. В случае абсолютизации компонента "субъективного" безобидная, на первый взгляд, неадекватность мышления и сформированных представлений о реальности может приводить к серьезным последствиям. Вышеупомянутый "коллективчик" или некоторое ограниченное сообщество и его коллективное сознание способно просуществовать в "фейковом" режиме неадекватного восприятия реальности лишь весьма ограниченное же время, но и за короткий период может создать глобальную угрозу выживанию человечества в целом, а то и погубить его...

Приведем несколько гиперболизированный и, потому, достаточно очевидный для уразумения пример. Положим, из квартиры седьмого этажа есть два выхода наружу: через дверь и через окно. Всем известно, что *можно* выходить как через дверь, так и через окно, но подавляющее большинство привычно пользуется дверью, поскольку знает, что выход через окно чреват тяжелыми последствиями. И, тем не менее, есть отдельные индивиды, которые, следуя навязчивым идеям, покидают квартиру через окно, и по тем или иным причинам число их не обнулится никогда. Осуществление такой альтернативной возможности в масштабах всего человечества грозило бы исчезновением человечества как вида. Утрата адекватности представлений о реальности в данном случае могла бы оказаться *критичной* и выразиться в потере человечества, как определенного уровня реальности. Речь здесь идет как раз о таком "*можно*", которое "*нельзя*" с точки зрения адекватно мыслящего человека (и человечества в целом). [Намеренно утрированные примеры помогают иногда прочувствовать реальную опасность заигрывания с *неадекватностью*].

Еще пример. Птолемеяевская картина мира исходила из примата геоцентрических представлений. Была ли эта неадекватность представлений критичной по тем временам? Наверное, нет. Но со временем мало-помалу таковой становилась. Во всяком случае, ни о какой точности расчета траектории полета космических аппаратов на основе Птолемеяевской модели (из-за запредельной громоздкости и *погрешности* вычислений) сегодня не могло бы быть и речи.

Мышление легко сдвигает границу в отношении {субъективное/объективное} в сторону преобладания субъективного (для него

самого, как для наиболее абстрагированного уровня реальности, это не критично), но при этом оно может, в ущерб адекватности, спровоцировать "выход" значений *всего* отношения за пределы диапазона, допустимого данным определенным этапом развития. Иными словами, для "собственно" мышления некие неадекватные предпочтения и необузданная внутренняя активность (пока они локализованы в голове, без выхода наружу) могут оставаться и без последствий, но для всей связки-совокупности уровней человека (обретающейся в предметном мире и включающей в себя форму предметности, форму ощущений и форму мышления), – произвольный выбор мышления с последующим выходом неадекватных реакций вовне может оказаться *критичным*, что и показывают приведенные выше примеры.

Ложь зачастую продиктована стремлением адаптироваться к внешним условиям и воздействиям во имя выживания и процветания какой-то отдельной формы-уровня в отрыве от остальных уровней общей совокупности в составе структуры человека (скажем, его плоти и материальных приобретений в обход морали и нравственности). При этом на ментальном уровне "воцаряется" фактическое "двоевластие" (раздвоение): что-то более форменное сталкивается с чем-то более содержательным. В результате возникает конфликт: содержательная составляющая "курирует", как правило, непосредственно прямой, бесхитрый путь достижения цели; форменная же составляющая, ради достижения цели, как кажется более беспроярочным путем, готова идти в обход, т.е. лгать.

Правда и ложь – формы заведомо разной степени приближения к выражению полноты движущегося (объективного) содержания. В силу пагубности влияния даже самых мелких публичных "фейков" и вымыслов на умы и сознание людей бороться с ложью нужно жестко, решительно и беспощадно, – подавлять, не оставляя без внимания ни одной серьезной попытки укоренения фальши. Когда встает вопрос о выживании человечества или отдельных его сообществ, ориентация на неадекватное мышление, ложные послы и неапробированные жизнью "ценности" категорически не допустима.

Чтобы не оказаться на обочине развития, *содержательность* всех без исключения намечаемых в государственном масштабе к разработке и воплощению форм (идей, перспективных планов, проектов, программ, направлений и пр.) должна анализироваться и ранжироваться на государственном и общественном уровнях в *постоянном* и безостановочном режиме.

Однако, не только подленькие, мелкие или корыстные мотивы и цели являются подоплекой фальшивых вбросов и распространения лжи. Свою "посильную" лепту неразберихи в общественную жизнь вносят гуманитарии, которые, в силу своей профессиональной ориентации на мир людей и сферу психологии, живут в отрыве от физического мира и с легкостью одурманиваются правящей "верхушкой", плохо представляя себе, как растет хлеб, варится сталь и высвобождается энергия при делении ядра урана. Ширящаяся безграмотность в вопросах естествознания – также одна из причин ложных представлений о мире, распространения и живучести мифов.

Беспринципность позиции и отсутствие стойких убеждений у государственных мужей и рядовых граждан – аналогичным образом сродни отречению от истины и покровительству лжи.

"Компрадорское нутро" власть предержащих и, так называемого, бизнеса – опять-таки, из той же серии.

Весьма распространенное мнение на тот счет, что рынок, якобы, все расставит по своим местам, как в сфере производства, так и потребления – тоже ложь или, по крайней мере, дремучее заблуждение. Если уж невзначай, нежданно-негаданно (ну, проглядели, "проворонили", с кем не бывает!) возник человек с его

мышлением (и, соответственно, все, что с ним связано, так называемое, "искусственное"), то вероятнее всего он так или иначе сознательно и неосознанно будет вмешиваться и в природу всех вещей (или это из области фантастики?). Обжигаясь и допуская ошибки, и на них же обучаясь, человек будет постоянно корректировать и свою собственную жизнь, и влияние внешнего окружения, – иного пути развития, кроме как "делание себя из себя же" просто не существует. По этой причине и госпланирование, и государственная поддержка, и госрегулирование в различных областях производства и потребления вполне закономерны и непременно будут присутствовать как следствие видения процессов развития глазами субъекта (зачинателя всего "искусственного"). Другое дело, что при всем этом остается по-прежнему злободневным вопрос, который также никто не в силах отменить и который субъективному сознанию придется решать перманентно во имя обеспечения устойчивого содержательного развития, – отыскание оптимального соотношения или баланса взаимодополняющих компонентов "невидимой руки рынка" и "государственного регулирования" (т.е. баланса или оптимального соотношения *искусственного* и *естественного*).

И, наконец, нельзя уже не видеть сегодня, насколько разрушительным оружием (оружием массового поражения) может оказаться информационная пандемия и как важно уметь проверять и устанавливать *истинность* информационных вбросов. В такой связи значение и роль *технологии интерпретирования* (при решении проблемы установления истины), как средства противодействия угрозе причинения человечеству всякого рода ущерба глобального масштаба посредством хитроумно спланированных информационных атак, неизмеримо возрастают.

К сожалению, не имеем возможности развивать здесь эту тему далее.

Всюду, на всех уровнях развития реальности между всеми ее формами всех уровней без исключения имеет место жесткая конкурентная борьба за обладание *наивысшей содержательностью* или борьба за *содержательный ресурс*, что оказывается прямым следствием универсальности *принципа саморазвития*. Определяемое этим же принципом стремление к выражению истины и правды изначально заложено, в том числе, и в самом "механизме" человеческого мышления (сознания). И если сегодня некая ложь считается делом обычным и привычным, и принимается "на ура" невзыскательными коллективами и сообществами, то завтра непременно отыщется субъект (или субъекты), который, подчиняясь обретающемуся в нем, имманентному принципу саморазвития "нароет" правду об этой фальши и все построения, возведенные на лживых посылах, рухнут в одночасье, да еще и с сопутствующими последствиями для тех, кто возводил ложь на пьедестал. Причем, реализуется такой сценарий отнюдь не по причине вмешательства "высших сил", а под "давлением" объективно всюду присутствующего *всеобщего, безусловного, слепого и безотносительного принципа саморазвития* с его "установками" на обладание максимально достижимой содержательностью всеми формами-уровнями изменяющейся реальности.

§ 18. Выводы.

Все вышеизложенное считаем достаточным основанием для следующих выводов:

1. Объективная реальность представляет собой движение и смену форм в направлении обладания *наивысшей содержательностью*. Познавательный процесс может быть более эффективным, если развитие реальности

рассматривать с позиции *содержательно-форменных трансформаций унитарной направленности*.

2. Человеческое сознание (мышление) – это наиболее абстрагированная (из достоверно известных на сегодня) форма представления содержания реальности, продолжающая собой ряд предшествующих форм, – таких как, форма предметности и форма ощущений. Избавляясь от представлений о сознании как об "отражении" или "копии" действительности, человеческое мышление обретает возможность видеть развитие реальности как единое ("сквозное") движение ее содержания посредством все более абстрагирующихся содержательных форм; тем самым устраняется искусственный гносеологический барьер, выстроенный самим же человеческим сознанием на пути познания содержательно бесконечного (многоуровневого) движения реальности.

3. **Установлен подлинный критерий истины или истинности форм развивающейся реальности. Истинность той или иной формы реальности определяется полнотой или "количеством" ее содержательности. Отсюда, критерием истинности форм реальности служит их содержательность.**

4. Вышеупомянутый критерий позволяет *количественно* оценивать *содержательность* форм реальности, что дает возможность выстраивать их по ранжиру и, тем самым, точнее и осмысленнее определять направление перспективных исследований.

5. Практика не является критерием истины, а служит процедурой (способом) оценки полноты или "количества" содержательности всевозможных форм реальности. В указанном смысле практика представляет собой частный случай более общей технологии, именуемой *интерпретированием*.

6. Суть процесса познания сводится к тому, что всё исследуемое и непознанное оценивается, проверяется и выражается через имеющееся и существующее, истинность которого уже установлена и проверена временем.

7. Не бывает двух или более *одинаково содержательных* истин (идей, представлений, утверждений, теорий, концепций, моделей, мнений, точек зрения и пр.) относительно одного и того же исследуемого вопроса или предмета суждения, как не может быть *в принципе* двух или более *равнозначных* приближений к истине объективной или истине абсолютной. На всякий данный момент развития среди форм разных приближений существует всего *одна*, наиболее приближенная к форме *объективной* (абсолютной) содержательности. Это и есть та форма, на которую следует ориентироваться как на *истинную*.

Литература

1. Бом М. Бешенство России [Электронный ресурс] // URL: <https://subscribe.ru/digest/economics/news/n272917707.html>
2. Владлен В.К. Распознать очевидное. Нетривиальный взгляд на эволюцию [Текст] / СПб.: Super Издательство, 2016. – 68 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук [Текст] / Т.1. Наука логики. М.: Мысль, 1975. – 452 с.
4. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Категории в системе научного знания. Гуманитарный вестник №2, 2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://hmbul.ru/articles/344/344.pdf>
5. Дерябо С. Личность: от субъективности к субъектности [Текст] //Журнал «Развитие личности». – 2002. – №3. – С.261-265.
6. Жюлиа Д. Философский словарь [Текст] / М.: Международные отношения, 2000. – 544 с.

7. Ильин В., Машенцев А. Философия в схемах и комментариях [Электронный ресурс] // URL: <http://eurasia.land.ru/txt/ilyin/38.htm>
8. Кравченко В.В. Концепция развития: взгляд изнутри [Текст] // Журнал философских исследований. – 2018. – Т.4, №2. – С.47-73.
9. Лебедев С.А. Метод парадигмального обоснования научных теорий [Текст] // Журнал философских исследований. – 2019. – Т.5, №4. – С.3-7.
10. Лебедев С.А. Метод формализации научных теорий и его возможности [Текст] // Журнал естественнонаучных исследований. – 2017. – Т.2, №4. – С.13-29.
11. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм [Текст] / М.: Политиздат, 1979. – 384 с.
12. Ленин В.И. Философские тетради [Текст] / М.: Политиздат, 1978. – 752 с.
13. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества [Текст] / ПСС, 5-е изд., Т.1. М.: Политиздат, 1967. – 662 с.
14. Маркс К., Маркс К. и Энгельс Ф. Нищета философии [Текст] / Соч., 2-е изд., Т.4. М.: Политиздат, 1955. – 615 с.
15. Петровский В.А. Субъектность как состоятельность [Электронный ресурс] // URL: <https://psy-journal.hse.ru/2015-12-3/161488495.html>
16. Словарь русского языка [Текст] / Под ред.: А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., Т.2. – М.: Русский язык, 1982. – 736 с.
17. Советский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред.: А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 1632 с.
18. Фейербах Л. История философии [Текст] / Собрание произведений в трех томах. Т.2. М.: Мысль, 1974. – 480 с.
19. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
20. Энгельс Ф. Диалектика природы [Текст] / М.: Политиздат, 1975. – 359 с.
21. Энциклопедический словарь [Текст] / Под ред.: И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890-1907.
22. Энциклопедия физики и техники [Электронный ресурс] // URL: http://femto.com.ua/articles/part_1/1635.html
23. Vladlen, V.K. To Cognize the Obviousness. Nontrivial Outlook on Evolution. Houston, TX 77065: Strategic Book Publishing and Rights Co., 2013. 46 pp.

Literature

1. Bom M. Beshenstvo Rossii [Elektronnyj resurs] // URL: <https://subscribe.ru/digest/economics/news/n272917707.html>
2. Vladlen V.K. Raspoznat ochevidnoe. Netrivialnyj vzglyad na evolyuciyu [Tekst] / SPb.: Super Izdatelstvo, 2016. – 68 s.
3. Gegel G.V.F. Enciklopediya filosofskih nauk [Tekst] / T.1. Nauka logiki. M.: Mysl, 1975. – 452 s.
4. Gubanov N.N., Gubanov N.I. Kategorii v sisteme nauchnogo znaniya. Gumanitarnyj vestnik №2, 2016 [Elektronnyj resurs] // URL: <http://hmbul.ru/articles/344/344.pdf>
5. Deryabo S. Lichnost: ot subektivnosti k subektnosti [Tekst] // Zhurnal «Razvitie lichnosti». – 2002. – №3. – S.261-265.
6. Zhyulia D. Filosofskij slovar [Tekst] / M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2000. – 544 s.

7. Ilin V., Mashencev A. Filosofiya v shemah i kommentariyah [Elektronnyj resurs] // URL: <http://eurasialand.ru/txt/ilyin/38.htm>
8. Kravchenko V.V. Konceptiya razvitiya: vzglyad iznutri [Tekst] //Zhurnal filosofskih issledovanij. – 2018. – T.4, №2. – S.47-73.
9. Lebedev S.A. Metod paradigmalnogo obosnovaniya nauchnyh teorij [Tekst] //Zhurnal filosofskih issledovanij. – 2019. – T.5, №4. – S.3-7.
10. Lebedev S.A. Metod formalizacii nauchnyh teorij i ego vozmozhnosti [Tekst] //Zhurnal estestvennonauchnyh issledovanij. – 2017. – T.2, №4. – S.13-29.
11. Lenin V.I. Materializm i empiriokriticizm [Tekst] / M.: Politizdat, 1979. – 384 s.
12. Lenin V.I. Filosofskie tetradi [Tekst] / M.: Politizdat, 1978. – 752 s.
13. Lenin V.I. Ekonomicheskoe sodержanie narodnichestva [Tekst] / PSS, 5-e izd., T.1. M.: Politizdat, 1967. – 662 s.
14. Marks K., Marks K. i Engels F. Nisheta filosofii [Tekst] / Soch., 2-e izd., T.4. M.: Politizdat, 1955. – 615 s.
15. Petrovskij V.A. Subektnost kak sostoyatelnost [Elektronnyj resurs] // URL: <https://psy-journal.hse.ru/2015-12-3/161488495.html>
16. Slovar russkogo yazyka [Tekst] / Pod red.: A.P. Evgenevoj. – 2-e izd., T.2. – M.: Russkij yazyk, 1982. – 736 s.
17. Sovetskij enciklopedicheskij slovar [Tekst] / Gl. red.: A.M. Prohorov. – 4-e izd. – M.: Sov. enciklopediya, 1989. – 1632 s.
18. Fejrbah L. Istoriya filosofii [Tekst] / Sobranie proizvedenij v treh tomah. T.2. M.: Mysl, 1974. – 480 s.
19. Filosofskij enciklopedicheskij slovar [Tekst] / Gl.redakciya: L.F. Ilichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. M.: Sov. enciklopediya, 1983. – 840 s.
20. Engels F. Dialektika prirody [Tekst] / M.: Politizdat, 1975. – 359 s.
21. Enciklopedicheskij slovar [Tekst] / Pod red.: I.E. Andreevskogo, K.K. Arseneva, F.F. Petrushevskogo. SPb.: Izd. F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1890-1907.
22. Enciklopediya fiziki i tehniki [Elektronnyj resurs] // URL: http://femto.com.ua/articles/part_1/1635.html
23. Vladlen, V.K. To Cognize the Obviousness. Nontrivial Outlook on Evolution. Houston, TX 77065: Strategic Book Publishing and Rights Co., 2013. 46 pp.